

ДЕТЕКТИВ

О. ДЭКАЭН

КНИГА 2

ИДЕАЛЬНАЯ ДОЧЬ

+18

О. Дэкаэн

Идеальная дочь. Книга 2

«Издательские решения»

Дэкаэн О.

Идеальная дочь. Книга 2 / О. Дэкаэн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939857-4

Почти семь лет прошло с момента, когда Лана в последний раз видела этого одиннадцатилетнего незрячего мальчика. И вот теперь он обратился к ней за помощью. Спустя столько лет он всё ещё надеется отыскать свою пропавшую старшую сестру и выяснить, кто отравил его собаку-поводыря? Но главное — что стало причиной массового убийства людей его отцом? И Лана обещает сделать всё возможное, чтобы разобраться в событиях тех лет. Она с головой погружается в чужие тайны прошлого, рискуя собственной жизнью.

ISBN 978-5-44-939857-4

© Дэкаэн О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
27 апреля 2017 год	8
Глава 2	18
29 апреля 2017 год	18
Глава 3	27
2 мая 2017 год	27
Глава 4	33
Декабрь 2009 год	33
Глава 5	39
4 мая 2017 год	39
Глава 6	48
Июль 2010 год	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Идеальная дочь

Книга 2

О. Дэкаэн

© О. Дэкаэн, 2018

ISBN 978-5-4493-9857-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9163-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Он в который раз спрашивал себя, а каково ему сейчас, в момент, когда всё рухнуло? И что за тревожное чувство засело где-то между лопатками?

Боль!

Но не та, что раздирает тело на части, что заставляет сердце биться быстрее, а ледяную кожу делает липкой от пота.

Эта боль иная, она появилась не от ран на его большом теле.

Или это страх?

Не за себя, нет, за близкого, дорогого тебе человека. И мысли, словно скользкие, жирные черви после дождя копошались на поверхности. Эти мысли стремятся поглотить твой разум, раздавить, уничтожить и сколько бы ты не пытался вытравить их из своей головы, тебе это не удаётся. Они, будто питаются твоим страхом за чужую, молодую жизнь.

И ещё ярость, пока не принявшая форму отчаянья. Ты в той стадии, когда надежда ещё теплится внутри крохотным лучиком, но это будет длиться не долго и ты это отчётливо понимаешь, и злишься – на себя, на мир вокруг, на вселенную.

Когда он только направлялся к этому огромному дому, его бессильная ярость плескалась где-то глубоко, набирала обороты, словно гейзер, готовая вот-вот вырваться наружу. Но он сдерживал её. И вот настал момент, когда уже нет сил терпеть эту муку. Он словно воздушный детский шарик, который кто-то проткнул иглой, выпуская весь воздух, оставляя лишь яркую, но пустую оболочку.

Он так устал за эти последние два дня!

Устал бояться, представляя себе самое худшее. И лишь один вопрос теперь терзал его: «Где она?»

Но ответить ему уже не могли. И это ещё больше злило. Он был бессилен что-либо изменить, слишком поздно – самое страшное уже произошло.

Его окружали мертвецы. Только мужчина ещё продолжал цепляться за жизнь, будто за что-то ценное. Он отчётливо слышал его протяжный стон, видел мольбу в его наполненных болью глазах. В тот момент хотелось лишь одного, зажать ладонями уши, как делают маленькие дети, когда их что-то пугает, и не слышать всего этого. Но он не двигался, не шевелился, застыл, пока сил терпеть не осталось и он не сдался – не вскинул карабин и, прицелившись, резко не нажал на спусковой крючок.

Уши тут же заложило. Эхо от оглушительного выстрела разлетелось по дому, ударяясь о стены и потолок первого этажа. А он стоял и смотрел, как кровавый бутон распускается на белоснежной рубашке, с каждой секундой занимая всё больше пространства на груди, как ещё мгновение назад бледные руки с длинными скрюченными в агонии пальцами, безвольно упали.

И вдруг наступила звенящая тишина. Она окружала, давила, была абсолютной и жуткой. Мёртвая тишина. Он обречённо опустил своё смертельное оружие, и лишь тогда заметил, что его руки сотрясает дрожь. Не так он представлял себе этот день, не здесь он должен был быть сейчас. А с семьёй, с сыном. Но кто-то решил за него... И вот он стоит посреди роскошного холла и переводит взгляд от одного распростёртого на полу тела к другому, и ещё к одному и...

Словно мизансцена в дешёвом спектакле, на который он ходил с сыном на прошлой неделе. Он смотрел, а его незрячий сын лишь слушал. Но здесь всё по-настоящему, ничего бутафорского. Повсюду кровь: тёмные, блестящие лужи, брызги, витиеватые дорожки, размазанные чьими-то телами, в надежде скрыться, уползти от сразившей их действительности.

И тишина. Теперь только она. И невозможно себе представить, что ещё несколькими часами ранее здесь были слышны громкие голоса и весёлый смех. Всё это было в прошлом.

Сейчас хотелось только одного: смыть чужую кровь со своих рук, которую впитала его загрубевшая кожа, сбросить с ног забрызганные ботинки, сдёрнуть с плеч промокшую рубашку. Всё это он хотел – мысленно, но тело его не реагировало, онемело.

Или лучше сказать – омертвело!

Он всё ждал, надеялся, что кто-то сейчас выскочит из-за угла и под звуки фанфар крикнет, что это была шутка, розыгрыш и они вместе посмеются. Или его, наконец, разбудят от этого кошмара, приведут в чувство, надают оплеух, если понадобится.

Но рядом не было ни души.

Он усмехнулся про себя. Чертовски верно подмечено. Ни души! Были тела, много тел, он и не брался их сосчитать: за углом, там, где виднелись лишь пара женских ног, в одной туфле, ещё одно на белоснежной лестнице, и за столом. Но душ в них уже не было.

Знал, что должен, что-то предпринять: сделать несколько осторожных шагов назад, туда, откуда он вошёл, в тот мир, где не существовало этого дома и его жильцов – в прошлое. Но всё, что он мог сделать, это стоять и бездумно пялиться на тела вокруг. Мёртвые тела, бездыханные, с кровавым месивом вместо цельных оболочек, с пулями засевшими внутри.

Машинально он обтёр ладонь свободной руки о свои серые выдавшие виды штаны, оставляя на них едва заметный багровый отпечаток.

Тут же мелькнула идиотская мысль: «Испорчены...»

Словно сейчас это имело хоть какое-то значение, словно это было что-то обыденное, нормальное – стрелять в человека, а после стоять над его распростёртым, остывающим телом и размышлять о чистоте своей одежды.

Бред! Как и всё, что тут только что произошло. Словно помутнение. Минутное чувство, способное перевернуть всю жизнь, опустить на самое дно, растоптать.

От мыслей его отвлек внезапный шум, заставил вздрогнуть, воровато оглянуться, и начать осознать. Он словно лиса в курятнике, пойманная за кражей птицы. И вот уже разгневанный, вторжением хитрого животного, хозяин, с ружьём наперевес, готовится продрать лоснящуюся, рыжую шкуру. Но в его случае это были всего лишь полицейские, так своевременно подоспевшие на место преступления.

Ну и к чёрту! Бежать он и не думал. Некуда. Он уже набегался. Хватит.

Так он и стоял, не шевелясь, пока кто-то не вышиб плечом входную дверь за его спиной. Сил хватило лишь на то, чтобы в ответ на громкие крики прибывших, отбросить в сторону, ставшее бесполезным оружие и поднять повыше руки.

Он пришёл за ответом, но того, что он услышал здесь, ему было недостаточно. И теперь всю оставшуюся жизнь, его ждёт мучительная неизвестность, что лезет в мозг своими длинными щупальцами и, впиваясь всё глубже и глубже в подсознание, уже не отпускает – высасывает разум, поработает.

Вновь, и вновь рождая один и тот же вопрос, словно в насмешку: «Ну и где же твоя малышка, где твоя дочь?»

Глава 1

27 апреля 2017 год

– Берсон, тебя к телефону!

Лана поморщилась, запирая металлическую дверь вольера, куда секундой ранее проскользнула чёрная тень лабрадора.

«Неужели обязательно так орать?» – раздражённо подумала.

Со слухом у неё, слава богу, пока было всё в порядке, не говоря уже про десяток собак, что отдыхали на своих местах после рабочего дня. Ещё секунду назад мирно дремавшие каждая в своём углу, словно по команде повскакивали, напроочь забыв все правила, которыми их ещё щенками обучали такие, как она.

Лана только недавно вернулась на тренировочную базу – рабочее место, где проводила всё своё время, отправляясь домой лишь отдохнуть. Сегодня она устала. Была выездная дрессировка в город с чёрным псом лабрадором по кличке Ной. Её подопечным. Они провели в городе полдня, гуляя по оживлённым улицам. Она оценивала готовность собаки не реагировать на городской шум, и он справился на отлично. Это было важно.

От того, насколько хорошо кинолог обучит животное, будет зависеть чья-то жизнь. Всегда помнила об этом. В питомнике, в котором она проработала более семи лет, разводили и дрессировали собак-поводырей. Лабрадоры, как нельзя лучше подходили для такой работы: устойчивая психика, доброжелательность к людям, умение сдерживать свои животные инстинкты.

Ной, с которым она начала работать с трёхмесячного возраста, когда любой подросток щенок впервые получает своего личного тренера, тому доказательство. Он молодчина! Показал себя образцовым поводырём, не выказывая абсолютно никаких эмоций ни к громким голосам прохожих, ни к резким движениям, ни шуму от проезжавших мимо автомобилей. Он замирал в тех местах, где требовалась остановка, дожидаясь благоприятного момента, и следовал дальше, обходя опасные места, когда это было необходимо. Он был полностью готов к работе.

Лана стянула лёгкие перчатки без пальцев и нетерпеливо засунула их в карманы лёгкой куртки, разминая пальцы. Правой руке была нужна передышка. Вынужденная мера. Её последнее время всё больше раздражало, как случайные прохожие пялились на изуродованную шрамами кисть, а после переводили встревоженные взоры на собаку, семенящую по правую от неё сторону. И каждый раз ей хотелось крикнуть, что это сделал не этот милый, добрый пёс.

Это вообще была не собака!

Это был куда более страшный хищник...

Не снимая верхней одежды, она вошла в офисное одноэтажное здание и открыла боковую дверь, что вела в комнату отдыха. Её коллеги в составе четырёх человек, трое из которых заступали этой ночью на дежурство, пили кофе и болтали. Остальные давно отправились по домам, к семьям. К тёплому семейному очагу. Здесь остались лишь такие, как она, которым нечего было делать в пустых квартирах, кроме как слушать собственные, невесёлые мысли. Избранные.

– Кому я понадобилась? – поинтересовалась она, подходя к заваленному счетами, буклетами и письмами благодарности столу, за которым никто никогда не сидел – его считали ничейным, поэтому и приводить в порядок не спешили.

Допотопный телефонный аппарат тонул во всём этом бумажном хаосе.

Новая сотрудница, имя которой Лана даже и не пыталась запомнить, повела пухлыми плечами под сильно обтягивающей блузкой, от чего её бока выпирали в разные стороны, и надув ярко накрашенные губы, пренебрежительно бросила:

– Не представились. Голос мужской, вроде молодой. Сказал только, что давний клиент.

Лана лишь тяжело вздохнула, незаметно протирая рукавом куртки внутреннюю сторону трубки и поднося её к уху. На ткани остался едва различимый след от губной помады.

Чертовски неудобно, когда люди не выполняют свою работу. А эта пышногрудая идиотка, кроме, как пить кофе с коллегами преимущественно мужского пола, видимо больше ничего не умела.

Лана безгласно поморщилась, когда нос её уловил приторно-сладкий аромат женских духов. Сама она уже лет десять не пользовалась ничем кроме дезодоранта и детского мыла. Животным ни к чему лишние раздражители, но эта новенькая, кажется, плевать хотела на негласные правила этого места.

– Я слушаю.

– Лана?

Голос и правда был мужской... и незнакомый. Тело непроизвольно напряглось. Последние полгода ей всё казалось пугающим. Может потому, что она ждала вот такого звонка из прошлого?

– Да, я, – подтвердила она, после короткого замешательства. – С кем говорю?

– Лана, это я – Марик Кан. Ты извини, что я тебе вот так звоню, но как по-другому связаться с тобой, я не знал.

Сказать, что она была удивлена, не сказать ничего. Меньше всего ожидала услышать этого человека. Мальчика, уже ставшего взрослым.

«Сколько лет прошло? – задалась она вопросом, бесшумно выпуская из лёгких воздух и пытаясь успокоить сильно бьющееся сердце. – И вот он – привет из прошлого!»

Она не была рада этому внезапному звонку, не хотела вновь погружаться в то состояние, из которого с таким трудом выбралась более шести лет назад. Тогда она столкнулась с чем-то необъяснимым, неправильным. И не было никакого желания копаться в чужих бедах. Потому они и чужие, что не должны касаться её. Она просто растерялась в тот момент, не смогла утешить, помочь, а после просто исчезла.

Так поступила Лана тогда, но не поступила бы сейчас!

После всего, что ей пришлось пережить прошлой осенью, с какими грязными тайнами своей семьи пришлось столкнуться... Она изменилась, стала другой. Жизнь заставила! И когда вернулась к нормальной жизни, от тех перемен, что с ней произошли за какие-то полмесяца, многие испытали шок. Все привыкли с замкнутой и немногословной Берсон, которая считала общество собак более для себя приемлемым, чем общение с людьми. Она и правда изменилась – сама это чувствовала. Если раньше ей было наплевать на то, что творилось вокруг, лишь бы не касалось её, то теперь что-то в ней надломилось, сделало мягче.

Единственное, что осталось неизменным – ей, как и раньше было жалко животных. Но не людей, которые, как правило, сами становились виновниками своих проблем.

И этот мальчик, на другом конце провода, за прошедшие годы ставший юношей, был тем прошлым, без эмоций с её стороны. И сейчас, слушая его слегка возбуждённый голос, она чувствовала себя предательницей. Ей был неприятен его звонок, он заставлял испытывать стыд за своё прошлое безразличие к бедам других.

– Как ты? – спросила она, крепче прижимая трубку к уху, словно опасаясь, что кто-то ещё в этой комнате может услышать его ответ.

– Нормально. Хотел попросить тебя об одолжении...

Этого она тоже не любила – исполнять чужие желания. Обязательства, которые могут остаться не выполненными... У неё было правило: любое, даже, казалось бы, несущественное

обещание, необходимо выполнить. Неважно, как и неважно чего ей это будет стоить. Зудящее чувство ответственности за данное кому-то слово, не покидало, пока она не исполняла просьбу. И сейчас она понимала, что попала в собственную ловушку.

– Что я могу для тебя сделать?

– Я понимаю, что может это неправильно снова просить тебя... – он помедлил, прежде чем продолжить, – но я больше не знаю к кому обратиться. Я хочу, чтобы ты снова нашла мне друга.

Лана прикрыла глаза, осознавая, что именно этого вопроса она больше всего боялась.

«Снова погрузиться в тот кошмар? – думала она. – Снова испытать всё то, что испытала?»

С первых же секунд их знакомства более шести лет назад, она объяснила, что собака-поводырь – это не бездушное животное за кормёжку выполняющее приказы. Это, прежде всего друг, который оберегает своего хозяина изо дня в день, двадцать четыре часа в сутки, служит глазами, направляет. И он запомнил, хоть и лишился своего через две недели...

– Для начала мне надо с тобой встретиться, поговорить, посмотреть, как ты живёшь.

– Да, да, я помню правила, – торопливо произнёс он, словно боясь, что она всё ещё может передумать, – поэтому-то и звоню тебе. Может, приедешь?

– И где ты теперь живёшь? – поинтересовалась Лана, не испытывая ни толики любопытства.

– Дома, – он на секунду замялся, – в смысле в доме отца.

Она была удивлена, но высказываться не стала. Это не её дело, где он поселился после всего.

– Я подъеду завтра утром, – пообещала и, попрощавшись, положила ещё тёплую от её ладони трубку.

Она ещё какое-то время стояла, пялясь на голую стену напротив, не замечая вокруг ни громких голосов, ни кокетливого смеха новой сотрудницы, которую самолично выбрал шеф – знать бы за какие-такие заслуги, ни озабоченного взгляда одного из коллег. Её мысли были слишком далеко в прошлом, чтобы пересекаться с настоящим.

Странно всё это. И этот звонок в конце рабочего дня и этот голос, такой непохожий на тот, с которым у неё ассоциировался этот незрячий мальчик с необычным именем. Марат, так звали одиннадцатилетнего ребёнка, с которым её свела судьба, но она ни разу не слышала, чтобы кто-то из его близких так к нему обращался. Всегда только лёгкое на слух – Марик.

«Ему уже восемнадцать!» – с удивлением подумала Лана, произведя в уме нехитрые вычисления.

Последнее время она о нём и не вспоминала, не задавалась вопросами...

Как он жил все эти годы после всего? Каково ему было лишиться близких людей и остаться практически одному?

Она знала ответ. Слишком тяжело. И, тем не менее, она ни разу не позвонила, не поинтересовалась, как он там, всё ли с ним в порядке? Понадеялась, что есть люди, которые смогут о нём позаботиться и попытаться выкинуть ту давнюю историю из головы.

Лана сама себе казалась мерзкой. Слишком хорошо помнила те две недели, проведённые в доме семьи Кан, что приняла её словно родную. Часто в те дни думала: вот оно счастье! Хотя, может и неполноценное – без матери. Но эти трое: отец, сестра и брат, были действительно счастливы. И она, на тот короткий отрезок времени, стала, словно частью их идеального мира.

В коротких перерывах между помощью Марику с его новым спутником золотистым ретривером, она в компании его старшей сестры и отца, сидя на веранде в плетённых, выкрашенных белой краской, креслах, пила чай со сладостями и смеялась над забавными историями.

Казалось, глава семьи никогда не уставал от шуток, как мог, веселил незрячего сына. А Анна, девятнадцатилетняя, хрупкая, черноволосая красавица, с неизменной книжкой

в руках, так любившая свой сад на заднем дворе, всегда была дружелюбна. Марик, всегда улыбочивый, заражающий окружающих своим оптимизмом, несмотря ни на что.

Лана завидовала этим людям, мечтала, чтобы и у неё было так же, ну или отчасти. Мечты сбываются! Спустя шесть лет она, наконец, выяснила, куда исчезла её родная мать, бросившая её в младенчестве, и нашла, кто виновен в её несчастливом детстве.

Только прошлого не исправишь, и не вернёшь. Уж возвращать там точно нечего, и некого – одна лишь пустота. Но жить с тем грузом, что опустился на её плечи, было слишком тяжело.

И все эти месяцы после её повторного бегства из родного города, она пыталась уйти с головой в работу, чтобы не думать. Ну, или хотя бы постараться... Она чувствовала себя отчасти виноватой в несчастьях своей семьи.

Очнувшись от невесёлых мыслей, Лана заметила, что непроизвольно потирает большим пальцем зарубцевавшуюся кожу правой руки. Вечное ей напоминание.

– Всё в порядке? – тихий мужской голос за спиной заставил её вздрогнуть.

– Всё нормально, – слишком поспешно ответила она, бросив короткий взгляд на говорившего.

Её ответ прозвучал слишком грубо, она сама это чувствовала, так же, как чувствовал это, сидящий на стуле, в несколько метрах от неё, высокий мужчина. Слишком хорош для неё.

Лана отвернулась, не в силах выносить пристальный взгляд серых, словно расплавленная ртуть глаз.

Этого человека она уже однажды подпустила слишком близко. Тогда ей было чертовски плохо и единственным желанием было напиться до беспамьятства и совершить что-то такое... Так она и поступила.

Как на утро она оказалась в квартире своего коллеги, с которым проработала бок о бок пять с половиной лет, Лана предпочла не вспоминать. Она в спешке собрала, разбросанные по полу вещи, неизменные: свитер и джинсы, и просто сбежала. А последние полгода старалась избегать всякого общения с этим мужчиной, с ещё более необычными, чем у неё глазами. Она и имени то его не знала. Казалось, никто в питомнике его не знал. Аксель – так называли его коллеги.

Освежающий вечерний воздух показался ей ледяным, когда она, наконец, выбралась из душного, провонявшего дешёвыми духами, помещения. Застегнув молнию на куртке, она торопливо шла между ровными рядами вольеров. Псы, как по команде поднимали головы, стоило ей поравняться с их клетками и Лана видела, как белые клубы пара вырываются из их пасть. Для конца апреля было холодновато.

Почти в самом конце, забившись в угол клетки, лежала и скулила сука в ожидании своего первого выводка. Ещё одна её подопечная.

– Ну что, девочка, готова поработать немного? – ласково прошептала Лана, опускаясь рядом с животным на колени.

Приложив ладонь к золотистому боку, она отсчитывала секунды. Дрожь периодически сотрясала измученное животное, заставляя полневшее тело натягиваться словно струна. Промежутки между схватками с каждой минутой сокращались, лишая собаку последних сил.

Самое время звать ветеринара. Акселя. Как бы ей не хотелось проводить рядом с этим мужчиной следующие несколько часов, этого требовали правила.

«Домой точно не попасть...» – вздохнула Лана, собирая в пучок крашенные тёмно-русые волосы и, готовясь к тому, что её тело непременно отреагирует на близость этого красивого мужчины.

Она снова вздохнула, поднимаясь с колен.

Ночь предстояла долгая.

– Марик? – тихо спросила Лана, чтобы не напугать, хотя и знала, что он давно уже услышал её тихие шаги по дорожке.

Она отчётливо понимала, что сидящий в ветхом плетёном кресле, на заднем дворе дома парень, это и есть тот маленький черноволосый, одиннадцатилетний мальчик, с которым она по долгу службы, познакомилась много лет назад. Но что-то останавливало её, подойти ближе.

– Привет. Рад, что ты приехала! – он высоко вскинул голову, как это делали только слепые и рассеянный взгляд тёмных глаз, мазнул по её лицу, останавливаясь в нескольких сантиметрах правее.

Тонкая, белая трость сиротливо опиралась на облупившуюся от краски стену дома.

Юноша не видел гостью. Он вообще ничего не видел – был лишён зрения от рождения. И тем сильнее её поражала его невероятная восточная красота, что словно драгоценный камень сияла на фоне его незащитности.

Лана молча его изучала. Он сильно изменился: вытянулся за эти годы, хоть и остался немного угловатым, словно подросток.

Когда-то давно его отец часто шутил, что Лана и Марик – похожи. У них на двоих три одинаковых чёрных глаза и только один способен видеть за них обоих. И она, действительно, на четырнадцать дней стала для мальчика проводником. Её глаза от рождения были разного цвета, редкое заболевание – гетерохромия. Один – чёрный, второй – болотно-зелёный. И, несмотря на слепоту, впечатлительный мальчик верил, что его новая знакомая особенная и говорил, что больше всего на свете хочет увидеть её необычные глаза.

А вскоре произошла трагедия, изменившая жизнь всех, кто был, так или иначе, связан с этой семьёй. Вначале внезапно пропала старшая сестра Марика – Анна, поговаривали, что она сбежала из дома. Так довольно часто поступали девушки её возраста, просто оставляли позади тот балласт из семейных проблем и зануд-родственников, что сдерживали их от яркой жизни где-нибудь в столице. Так они думали... На практике лишь единицы осуществляли свои мечты. Остальным оставалось лишь перебиваться временными заработками или и вовсе возвращаться домой. Под родительское крыло.

Но отец Анны был безутешен, он был уверен, что его малышка никогда в жизни не поступила бы так ни с ними, ни с младшим братом. Он так и не поверил в бегство своей старшей дочери. А дальше стало только хуже...

– Почему ты здесь? – задала она вопрос, мучивший её с тех самых пор, как Марик позвонил ей вчера и сообщил о том, где она его может найти.

Эти мысли так и не смогли выветриться из головы, даже, когда под утро Аксель вытаскивал из обессиленной суки-лабрадора последнего, уже мёртвого щенка. Остальные шесть, жадно причмокивая, сосали молоко, прижимаясь к тёплому пушистому боку своей затихшей матери.

– Почему я здесь? – не понял молодой парень, нахмутив тёмные брови, от чего те выстроились в одну линию.

– Да. Тебя ведь забрала к себе тётка, насколько я помню?

Лана заметила, как её собеседник передёрнул плечами.

– Мне у неё никогда не нравилось. Надоело постоянно выслушивать, что мой отец чудовище, испортившее жизнь всем женщинам, что его когда-то любили. Сначала мама, потом сестра... – на последнем слове его голос дрогнул. – Тётка считает, что это отец виноват, что Анна сбежала.

На какое-то время наступила тишина.

– Зато теперь я могу жить, как хочу и где хочу, – его не видящий взгляд всё так же блуждал, – и я выбрал дом отца.

Лана медленно обвела пристальным взглядом двухэтажное строение, явно нуждавшееся в ремонте. Облезлые ставни на первом этаже, когда-то защищавшие от сильных ветров, перекошились. Стёкла на окнах хоть и были целы, из-за грязи и пыли перестали пропускать солнечные лучи. Штукатурка на стенах местами отвалилась, словно вскрывая старые нарывы.

Внутри, скорее всего, было не лучше.

А такой красивый в былые времена сад Анны, превратился в густые, непроходимые джунгли, где многие растения были уже давно мертвы. И почему-то именно это больше всего расстраивало. Память о той милой, доброй девушке, словно поросла сорняками.

Но молодой хозяин ничего этого не видел и поэтому его всё устраивало.

– Здесь не мешало бы прибраться, – посоветовала она, с опаской опускаясь в плетёное кресло напротив.

В ответ тот лишь пожал плечами, словно ему было всё равно. Странно, что имея такого отца, как Равиль Кан: под два метра роста, с огромными ручищами, долговязый Марик скорее походил на свою старшую сестру.

«Видимо, дети пошли в мать», – подумала про себя Лана, хотя никогда не видела женщины.

Единственное, что ей было известно, та умерла почти сразу после рождения сына. Даже её изображения, среди семейных фотографий в рамках, аккуратно расставленных по дому, не было.

– Я займусь уборкой, но мне нужен твой ответ.

Она тяжело вздохнула и сразу же пожалела об этом. У людей, лишённых зрения, обострены остальные чувства и молодой человек, сидящий перед ней, сразу же почувствовал её настрой.

Его спина ссутулилась, подбородок упал на грудь.

– Ты отправлял запрос? – поинтересовалась она. – Всё это формальности, но ты же знаешь, для того, чтобы получить собаку-поводыря нужно оформить кучу бумаг, собрать справки, встать в очередь...

– Я подумал, что ты мне поможешь, – с надеждой прошептал юноша, не поднимая головы.

– Я помогу, – успокоила его Лана. – Но бумажной волокиты ещё никто не отменял. Нам придётся всем этим заняться. Это займёт несколько дней, а после выберем тебе спутника.

Она лукавила. Она уже выбрала, но ему об этом знать пока не обязательно, из опасения, что что-то может пойти не так.

Сегодня утром, как только начался рабочий день, она, смыв с себя собачью кровь и запах, и переодевшись в то, что было в её именном шкафчике с говорящей надписью Берсон, отправилась к шефу, чтобы попросить его об одолжении. Впервые в жизни! Но его этот поступок не вдохновил. Этот маленький, толстый человечек, затянутый в деловой костюм, с бегающими глазками и постоянно оттирающий пот со лба, не имел никакого представления о работе кинологов.

Он ей отказал!

Затем последовала десятиминутная лекция о незрячих людях, что месяцами ожидают своей очереди. А измотанная вконец Лана, стояла в центре его кабинета и молча слушала, мечтая только об одном, чтобы он, наконец, заткнулся. Она ненавидела этого напыщенного идиота, который, ничего не смыслил в той работе, что выполняли его подчинённые. Вообще было не понятно, как он занял это место, но его отказ не отменял того, что она всё равно продолжала чувствовать себя обязанной перед выросшим слепым мальчиком.

Знала, что должна помочь, как знала и то, что у любимой и единственной племянницы шефа через пару месяцев день рождения, и тот уже начал присматривать подарок. И один из щенков, появившийся на свет этой ночью, был бы весьма кстати.

С удовлетворением отметила, как загорелись маленькие глазки мужчины. И они пожали руки.

Проблема решена – через несколько дней у прошедшего полный курс подготовка лабрадора Ноя, появиться хозяин.

– Я только одного не могу понять, – продолжила Лана, обращаясь к сидящему напротив слепому юноше. – Как ты решился поселиться в этом доме?

В невидящем взгляде Марика, она увидела что-то похожее на муку.

– Ты тоже считаешь моего отца чудовищем?

Она не хотела отвечать. Ответ бы ему не понравился.

– Я думаю это к лучшему, что он изолирован от общества и не может причинить страдания ещё кому-нибудь, и тебе в том числе.

– Не нужно так говорить! – упрямо произнёс молодой человек и Лана словно вновь увидела того одиннадцатилетнего упрямого мальчишку. – Только не ты. Все его проклинаят, плюются при одном упоминании о нём. Думаешь, мне легко? За те дни, что ты пробыла с нами, я думал ты единственная, не станешь упрекать его.

Несмотря ни на что, он продолжал любить и защищать своего отца, как бы тот ужасен не был, и насколько ужасны не были его поступки.

– После всего, что произошло? – отозвалась она, устало проводя ладонью по лицу без грамма косметики. – Убийства, суд, всё это было далёким для меня, но то, что он сделал с собакой...

– Неправда! – воскликнул её собеседник, и его кулаки с силой опустились на подлокотники кресла. – Ты тоже веришь в тот бред, что он убил мою собаку?

Она на секунду прикрыла глаза и кончиками пальцев потёрла виски. Бессонная ночь давала о себе знать, где-то под черепной коробкой зарождалась головная боль.

– А ты так не считаешь? – поинтересовалась Лана, поплотнее запахивая полы куртки. Погода всё не радовала. – Неужели есть логическое объяснение тому, что в багажнике машины твоего отца нашли окоченевший труп животного?

– Он нашёл собаку за домом, в кустах, отравленную, – выпалил юноша.

Этого Лана не знала. Она-то все эти годы считала, что Равиль просто свихнулся от потери дочери, и его дальнейшие поступки были лишены логики. И первым из них стало убийство ни в чём не повинного животного.

– С чего ты решил, что её отравили?

– Отец сказал, – немного обиженно ответил молодой человек.

– Ты с ним видишься? – удивлённо спросила Лана и, когда молодой человек кивнул, всё же спросила. – Так, что он тебе рассказал?

– В ту ночь, за два дня до этого, – он не стал уточнять до чего «этого», ей и так было всё понятно, – Анна не пришла домой ночевать. Отца не было, он уехал по работе, на несколько дней. Я прождал её до утра, всю ночь не спал, бродил по дому, в надежде, что вот сейчас входная дверь откроется и она, с глупыми оправданиями, отправится спать.

– Такое уже случалось? – Лана склонила голову чуть набок.

– Было уже несколько раз, но она всегда возвращалась не слишком поздно. Поэтому-то я и не стал звонить отцу среди ночи и пугать его. Решил, что всё разрешится само.

– Но она так и не появилась, – констатировала Лана, вспоминая, что именно с того дня перестала появляться в доме Канов.

Она вспомнила, что когда разгорелась шумиха, ей позвонило начальство и сделало выговор. Мол нужно лучше разбираться в людях, иначе никаких собак не хватит. И бюджета страны тоже... И, что не за такое отношение наши граждане платят налоги, а Лана получает заработанную плату.

– Нет, сестры не было и утром, – тихо сказал молодой парень. – Так же как и собаки. Я даже сначала подумал, что это она взяла с собой моего пса... – в его глазах блеснули слёзы. – И тогда я, наконец, позвонил. Отец примчался ближе к вечеру и всю ночь мы ездили по району в её поисках. С утра принялись за больницы, но её нигде не было. Он подолгу куда-то уходил, а я ждал в машине. Но, когда он возвращался, по его молчанию я понимал, что про сестру ничего нового не удалось узнать. Потом он отвёз меня домой, оставалась надежда, что Анна вернется, и кто-то должен её ждать дома на случай её появления, а сам сказал, что отправляется в полицию.

Наступила долгая пауза. Лана не торопила своего собеседника, понимая насколько тяжело ему вспоминать то время.

– После я его в те дни больше не видел.

Не видел... Фигура речи.

– Почему ты и твой отец так уверены, что Анна просто не подалась минутному порыву и не решила начать жизнь с чистого листа где-то далеко отсюда? Может, твоя сестра уже давно планировала своё бегство? – предположила Лана.

Именно так она и решила тогда.

– Ты не понимаешь, – заупрямился Марик. – Она заменила мне мать, помогала растить меня с рождения и просто так не бросила бы среди ночи. К тому же все её вещи остались на своих местах.

Его слова не были лишены смысла. Анна производила впечатление любящей, заботливой старшей сестры и возможно по своей воле никогда не оставила бы одиннадцатилетнего слепого брата без присмотра.

– И ещё... Перед тем, как я в последний раз разговаривал с ней, кое-что произошло.

Лана слегка напряглась, ожидая продолжения.

– Я услышал шум, хотя кроме меня в доме никого не было. Анна ушла, отца не было, а я сидел в своей комнате наверху. Мне тогда показалось, что я что-то услышал, какие-то посторонние звуки. Думал, может Анна вернулась. Я спустился, несколько раз позвал, но ничего не произошло. Тишина.

– Собака была с тобой?

– Да, – кивнул Марик, – но она вела себя, как обычно. Я ещё некоторое время постоял, прислушиваясь, а потом снова поднялся к себе.

– Если бы это были воры, пёс не стал бы так спокойно реагировать.

– Я тоже так подумал, а когда вернулась Анна, рассказал ей о том шуме. Она пообещала, что проверит всё ли на месте. А через какое-то время поднялась ко мне в комнату, сказала, что мне просто показалось, а ей ненадолго нужно уйти. После она уже не вернулась.

– И куда она могла пойти?

– Я не знаю, она не сказала, – взгляд его застыл. – Но мне показалось, что она немного нервничала. Торопилась очень.

– А что с собакой? – напомнила Лана.

– Уже сидя в тюрьме, отец мне рассказал, что нашёл её недалеко от дома мёртвую. Если бы он так тщательное не искал сестру, то ни за что бы не наткнулся на труп животного в кустах. Он положил её в багажник, чтобы позже отвезти к ветеринару и выяснить, что произошло... Ну, а дальше ты знаешь.

Она задумалась: «Неужели Равиль не лжёт и собака, и правда была отравлена? Но кем? Кто мог так обойтись с безобидным псом?»

Знала, что существует десятки, если не сотни способов отравить животное. Домашние питомцы часто подбирают на улице всякую дрянь, да и в доме хватает опасностей: несвежая еда, таблетки, по ошибке оставленные хозяевами, моющие средства. Единственное, что может оградить от всего этого – это намордник и бдительность самого хозяина. Но, если подумать,

Анна исчезла, приблизительно, в тот же период времени, когда была, якобы, отравлена собаководырь Марика.

Неужели случайность?

Возможно, если бы не одно «но». С некоторых пор Лана перестала верить в любые совпадения. Во всём есть закономерность или злой рок.

– Расскажи, зачем твой отец поехал в тот дом?

– Он не говорит, – ответил молодой человек, не мигая, будто высматривал что-то вдали.

– Не говорит о причине, побудившей его совершить такое? – не поверила Лана. – Что за бред?

– О том, что случилось в том доме, он ни слова не сказал, ни мне, ни своему адвокату. Если его кто-то начинает спрашивать, он просто замыкается в себе и молчит.

– Ясно. Почему собаки не было рядом с тобой? Как так получилось, что она вообще отошла от тебя? – продолжала она напирать.

Он смутился, оставляя этот вопрос без ответа. Лана не стала настаивать. Мальчик мог просто уснуть.

«Может быть, в дом проник вор, и Анна вышла, так же как и пёс на шум?» – предположила она.

Но лабрадоры из её питомника мирные создания, обученные лишь быть поводьями. Они не приучены нападать. Это первое правило питомника – никакой агрессии!

– В тот день, – продолжил Марик, – моего отца волновало только одно. Где Анна? И я думаю, причина его поездки в тот дом кроется именно в этом.

– Считаешь, он хотел поговорить с подругой твоей сестры? – спросила Лана.

Она часто видела ту девушку в этом доме – ровесницу Анны и полную её противоположность. Только вот вспомнить имя не могла. Ещё с детства с памятью на имена и фамилии у неё были проблемы. – Как, кстати, её звали?

– Дора, – тут же подсказал юноша.

Точно. Девушка с длинными светлыми волосами, огромными голубыми глазами и стройной фигурой. Она производила на окружающих сильное впечатление и знала об этом.

Имея от природы чёрный цвет волос, хотя тогда он ещё не был украшен седой прядью, и гетерохромью, Лана немного завидовала той идеальной красоте девушки, задаваясь вопросом: почему она не такая?

И наблюдая за двумя совершенно разными подругами, она удивлялась, как между ними могла возникнуть такая крепкая связь. Анна со своей тягой к растениям и беззаветной любовью к слепому брату, и её подруга – любительница дорогой одежды и развлечений.

– Возможно, надо спросить у этой Доры, знает ли она что-нибудь о том, куда исчезла твоя сестра? – предложила Лана, хотя сама в это не очень-то верила.

Столько лет прошло... Кто-то уже наверняка спрашивал девушку о том времени.

– Она ничего не скажет, – отрицательно покачал головой парень. – С адвокатом отца Дора тогда наотрез отказалась разговаривать. Ты знаешь, что она книгу написала о тех событиях? Я её прослушал... аудиокнигу. Называется «Выжившая».

О книге она слышала впервые.

– Нет, не знала. И что там?

– Про мою сестру ничего. Но думаю, тебе самой стоит прочесть. Когда я рассказал о её содержании отцу, он просто озверел. Никогда не видел его таким. Когда я дошёл до описания последней главы, отец приказал мне замолчать. Но знаешь, чем больше я думаю о том, что случилось в том доме, тем сильнее мне кажется, что к исчезновению моей сестры причастна её лучшая подруга.

Он так любил её. Все эти годы, что находился вдали от единственной желанной женщины, он мог думать лишь об одном... Как снова оказаться с ней рядом. Но он знал, что она не подпустит его к себе, не поймёт того, на что он готов пойти ради одной её улыбки, ради мимолётного взгляда. Ему достаточно видеть её, знать, что она рядом.

Ему кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как он впервые увидел эту девушку. Манящая, словно сирена, вышедшая из морских глубин, с развивающимися волосами и звонким смехом.

Но не над его шутками она смеялась.

Она вообще его не замечала.

А её запах! Он сводил его с ума, едва стоило ей пройти мимо. Сколько в ней было жизни! Сколько огня и страсти! Но всё это было направлено на кого-то другого. А его она словно и не видела вовсе. Была слепа к его чувствам.

Она была богиня, а он был рождён, чтобы стать её рабом.

Глава 2

29 апреля 2017 год

Лана торопливо, насколько позволяла окружающая её обстановка, шла по длинному коридору отделения больницы, глазами пробегая по номерам палат и не находя нужного, шла дальше. Здесь всё пропахло лекарствами и болезнью. Даже от белоснежного халата, накинутого на её плечи, исходил больничный запах.

Узнать нужную ей палату не составило никакого труда. Приветливая и слишком молодая девушка в отделе регистрации, по всей видимости стажёрка, с готовностью назвала две заветные цифры.

Четыре широких лестничных пролёта и вот она уже открыла стеклянную дверь в отделение *«Неврологии раннего возраста»*, как гласила надпись над входом на втором этаже.

На мягких кушетках сидели или стояли, подпирая стены, больные дети разных возрастов. Длинный коридор с цветными фигурками животных на дверях палат, чтобы малыши не потерялись в стерильном хаосе – хоть какое-то отличие от душных комнат – был ярко освещён... и тих.

То, куда она приехала этим утром, выходного дня, была самая большая детская городская больница. В одном здании были собраны маленькие пациенты с диагнозами, начиная от примитивных и не опасных, будь то грипп или корь, до неизлечимых. Такие больные больше отсюда не выходили, это место становилось их домом, их последним пристанищем. Так же, как и для девушки, с которой хотела поговорить Лана.

Она последовала совету Марика, и как только выдалась свободная минута, купила в книжном магазинчике рядом с её съёмной квартирой, воспоминания Доры, с незамысловатым названием *«Выжившая»*. Книга в чёрном переплёте с изображением маленькой потерянной девочки с невероятно большими голубыми глазами-блюдцами на кукольном личике.

«Должно быть детская фотография Доры», – решила тогда Лана, долго рассматривая обложку.

На обороте – снимок, сделанный шесть лет назад, без тел её родных, но с застывшими лужами крови. Книга, ставшая бестселлером, благодаря реальности описанных в ней событий. Рассказ дочери, потерявшей своих родителей в тот роковой день. Такое просто не могло не прогреметь на всю страну. Книга была обречена на успех.

В мире, где люди любили наблюдать издалека за чужой болью, в душе надеясь никогда не испытать её самим. Они сострадали, переживали за героев и одновременно боялись оказаться на их месте. Да им было жаль их! Но единственной мыслью, возникавшей в головах читателей в такие мгновения, было: «Хорошо, что это произошло не со мной!»

Вчера вечером, когда Лана, наконец, добралась до своей квартиры-студии, она, забравшись с ногами в единственное кресло, в предвкушении открыла первую страницу. Читать она любила. К обширной библиотеки хозяйки квартиры, прибавилось и несколько сотен книг, принадлежащих ей самой.

За чтением часы летели незаметно.

Боль от потери близких автору людей была настолько осязаема, что Лана чувствовала, как с каждой прочитанной страницей она всё глубже погружается во мрак прошлого. Она понимала эту бедную девушку, в один миг ставшую сиротой, невольно ещё больше проникаясь ненавистью к человеку, разрушившему идеальный мир тех людей.

В первой части, а это приблизительно треть книги, было довольно подробное описание счастливого детства автора. Забавные случаи из жизни, которые заставляли губы Ланы, время

от времени, растягиваться в грустной улыбке. Грустной потому, что она прекрасно знала, что ждёт всех героев впереди.

Дора описывала прогулки с отцом, которые каждый раз становились маленьким приключением. А мелкие домашние поручения матери, были словно чем-то особенным для маленькой девочки. Даже то, как они всей семьёй ходили удалять больной молочный зуб, не дававший покоя уже несколько дней, говорило о безграничной любви родителей к своей маленькой принцессе.

Так называл маленькую, с кукольной внешностью, Дору отец.

Принцесса!

Семейная идиллия в розовых тонах.

Вторая часть была полной противоположностью первой. Мрачной, наполненной болью и мраком. И начиналась она со дня, ставшего чёрным для той семьи, для города, для целой страны.

Лана хорошо помнила, что, где бы не находилась в те дни: на работе, в супермаркете, в метро, люди обсуждали только одно – случившееся с семьёй Берг. Лишь дома она отгораживалась от страха, который читался на лицах прохожих.

Все думали об одном и том же: «А вдруг и мы? Вдруг и с нами такое произойдёт?»

Все свои чувства: рухнувшие надежды, несбывшиеся мечты, ожившие страхи всю – боль единственная выжившая в тот сентябрьский день девушка, перенесла на страницы книги.

Когда Лана прервала чтение где-то посередине, было далеко за полночь. А проснувшись рано утром, решила, прежде чем продолжить, она должна встретиться с автором книги. Спросить о причине, побудившей образцового отца семейства, приехать в дом её родителей и устроить такое.

Эта девушка была тем единственным человеком, кто был способен рассказать, почему так произошло.

Она была свидетелем.

Найти какую-либо информацию было не так уж и трудно, как казалось вначале. Интернет пестрил броскими заголовками:

«Выжившая» в кровавой бойне в 2010 году».

«Выход долгожданной книги, намечен на январь 2013 года!»

«Успех книги „Выжившая“ предрешён!»

И лишь в одной небольшой статье она нашла то, что искала:

«Злой рок преследует всеми любимую Дору Берг! Новый удар!»

Из той статьи узнала, что последние несколько лет были для Доры невероятно тяжёлыми. Её сын был болен, и мать мальчика всё время проводит рядом с ним.

И теперь Лана шла по коридору той самой больницы, в которой на протяжении нескольких месяцев находился на лечении единственный ребёнок Доры.

В глаза бросилась нужная цифра, и она в нерешительности застыла перед нужной её дверью, не представляя, что предпринять далее. Не могла же она просто вломиться в палату?

– Простите, могу я вам чем-нибудь помочь? – вежливо произнёс женский голос за её спиной, заставив обернуться.

Молодая медсестра в голубом халате и такой же шапочке с любопытством рассматривала необычную посетительницу, ожидая ответ на свой вопрос. Руки она всё время держала в карманах халата.

– Здравствуйте. Я ищу подругу. Её имя Дора Берг. Я ведь не ошиблась палатой? Сорок третья? – спросила Лана.

– Нет, не ошиблись, – подтвердила та и виновато улыбнувшись, добавила. – Только её в данный момент нет в больнице. Но вы можете подождать, если хотите. Думаю, ей пойдёт на пользу общение с кем-то кроме медперсонала.

– Как она? – поинтересовалась Лана.

– Ну, как может чувствовать себя человек в её положении? – тихо произнесла медсестра, слегка пожимая плечами. – Но она боец! Держится несмотря ни на что. Проводит практически всё время возле постели сына, за исключением того дня, один раз в неделю, когда ездит на кладбище.

– Каждую неделю? – удивлённо просила Лана.

Медсестра кивнула и уточнила:

– Да, каждую субботу. В девять часов утра за ней приезжает такси и отвозит её на старое городское кладбище. Это у неё своего рода ритуал. Но вы дождитесь её, она не задерживается более чем на пару часов, – посоветовала работница больницы и, попрощавшись, удалилась, оставив Лану в одиночестве, стоять посреди длинного коридора до середины выкрашенного в бледно-зелёный успокаивающий цвет.

Лана взглянула на огромные часы на стене. 10:25. Надо же, она и представить себе не могла, что Дора до сих пор настолько сильно переживает потерю родителей. Какая сила характера! Ежедневно посещать столь мрачное место, где твоими слушателями и незримыми спутниками являются только души умерших.

– Лана, неужели ты? – послышался за спиной хриплый голос.

Вздвигнув от неожиданности, она резко обернулась и застыла, увидев перед собой женщину. Подобие той Доры, что знала раньше.

– Ну да, эти глаза ни с чем не спутать! – продолжила та, обводя взглядом всю фигуру посетительницы.

«Неужели человек способен так постареть?» – ужаснулась Лана.

Когда-то длинные, светлые локоны Доры были коротко подстрижены и небрежно перехвачены резинкой для волос. Белый халат, который выдавали всем посетителям больницы без исключения, не мог скрыть нездоровой худобы, будто, стоявшая перед ней женщина, долгое время морила себя голодом.

Именно женщина, не девушка, которой сейчас, должно быть, не больше двадцати шести лет. На два года младше самой Ланы по рождению и на двадцать старше благодаря страданиям, выпавшим на её долю.

Она всматривалась в узкое бледное лицо собеседницы: без косметики, с синими дорожками вен на висках, с морщинками в уголках потускневших глаз, с плотно сжатыми обескровленными губами – и понимала, что ничего не осталось от прежней красотишки с идеальными формами.

Стоявшее напротив прозрачное, анорексичное подобие живого человека, никак не могло быть той Дорой.

– Не узнаёшь? – горько усмехнулась молодая женщина, пристально рассматривая Лану. В её взгляде читалась ирония. – Ну да, выгляжу неважно, в отличие от тебя. Жизнь, та ещё стерва, потрепала меня основательно. Словно в мясорубку угодила, а она всё перемальвует, да перемальвует, как кусок уже протухшего мяса.

– Привет, Дора.

Если бы она не пришла в это место с определённой целью и именно к этой давней знакомой, то вряд ли вообще узнала бы в этом существе ту молодую, жизнерадостную девушку. Такие изменения определённо происходят не от хорошей жизни.

– Ну, наконец-то! А то я уж думала, так и простоим здесь весь день, – с сарказмом в голосе бросила та, разводя тощие руки в стороны, словно собираясь обнять, стоящую напротив Лану. – Каким ветром тебя сюда занесло?

– Приходила навестить племянницу, – соврала она, надеясь, что та не пристанет с вопросами. – А ты, что здесь делаешь?

– Я теперь живу здесь, – отозвалась та, вынимая из бокового кармана халата початую пачку сигарет. – Пойдём, поболтаем, здесь есть милый дворик...

– Ты вроде бы раньше не курила? – обронила Лана, спускаясь по лестнице вслед за Дорой. Её голос, так же, как и шаги, глухим эхом отражался от бетонных стен.

Молодая женщина усмехнулась, толкнула железную дверь с табличкой «*Выход*», и первой оказалась на воздухе. Привычным движением достала сигарету и, поднеся ко рту, чиркнула зажигалкой. Лана заметила, что кончики пальцев Доры пожелтели от постоянного контакта с никотином, руки слегка тряслись, пока та прикуривала.

Дора не соврала, они действительно попали в небольшой парк. Заняв места на ближайшей свежеекрашенной, свободной скамейке, Лана дала время им обоим прийти в себя.

По асфальтированным дорожкам прогуливались дети в компании своих родителей или одетых в униформы санитаров. Парк на территории больницы жил своей жизнью, принимая в свои изумрудные просторы всех желающих: пациентов и посетителей.

– Я много чего раньше не делала, – наконец ответила Дора, не вынимая сигареты из рта, от чего та подпрыгивала при каждом сказанном ею слове. – Вот нагоняю, благо есть деньги.

Она жадно затянулась, обводя колючим взглядом больничную территорию.

– Ты даже не представляешь, какую только дрянь не достанешь за эти бумажки, – она протянула початую, белую пачку. – Куришь?

– Нет.

– Ах, да! Совсем забыла, – шлёпнула она себя по лбу, с шумом выпуская дым из лёгких. В нос Ланы тут же ударил тошнотворный запах ментола. – Твоим собачкам не нравилось... Не сменила род деятельности?

– Нет, – ответила Лана и спросила. – Расскажи, как ты здесь оказалась?

Как только она произнесла это, тут же пожалела. Дору будто подменили. Самоирония сменилась болью во взгляде. Она сделала новую глубокую затяжку и, когда заговорила, вместе со словами из её рта вырвались сизые клубы дыма.

– Моему сыну шесть лет. Мы и раньше были частыми гостями в этом... – Дора обвела неприязненным взглядом территорию больничного парка, – месте. А теперь и вовсе переехали. Хорошо, что хоть есть толк от моей чёртовой писанины. У меня есть средства, которыми я оплачиваю отдельную палату и дорогостоящее лечение. Мой сын болен. У моего мальчика неизлечимое заболевание. Синдром Александера. Доктора уже давно не делают никаких прогнозов, лишь предупреждают, что нужно готовиться к худшему.

Она в последний раз затянулась и истлевший до фильтра окуроч, отработанным за годы движением, полетел на землю.

Дора продолжала:

– После его рождения я отказывалась верить во всё это. Мне говорили, что с таким диагнозом он не проживёт долго, от силы пару лет, или чуть больше. А мой мальчик осилил шесть! Шесть самых тяжёлых для нас обоих лет. Словно знал, что мне будет плохо без него. И до сих пор терпит муки, чтобы не расстраивать мамочку.

Она перевела помутневший от боли взгляд на, сидевшую в полуметре от неё, Лану:

– У тебя есть дети?

– Нет.

– Тогда тебе не понять ту боль, что испытывает мать при виде своего умирающего ребёнка. Ежедневно просыпаться в страхе, что он уже не дышит. Смотреть, как изо дня в день на его нежной коже появляется новая отметина от уколов, а синяки от них уже не проходят. Наблюдать, как его тело меняется... А вечером, когда он засыпает, прощаться с ним... может навсегда. И бояться уснуть...

Лана отвернулась, чувствуя, как на глаза набегают слёзы. Ей до глубины души было жаль эту измученную горем молодую мать и то, что ей приходится переживать такие страдания.

Где та чёртова справедливость, благодаря которой одни проживают счастливую жизнь, а другим приходится всё время бороться даже за один единственный прожитый день?

– Извини... – только и смогла выдавить из себя она, вспоминая свою мать и то, что случилось с той при схожих обстоятельствах. В отличие от Доры та не выдержала – сломалась.

– Да ладно, – вяло отмахнулась несчастная мать, тут же прикуривая новую сигарету. – Ты-то тут причём? Я уже смирилась с неизбежным. Доктора говорят, что уже не долго...

Она резко замолчала, отвернувшись, и Лана вдруг пожалела о том, что вообще пришла сюда. О чём она вообще думала, собираясь, вызвать на разговор Дору? Что измученная молодая женщина, у которой умирает маленький сын, будет просто счастлива поболтать о прошлом?

Они так и сидели плечом к плечу, две женщины, лишь на короткое время сведённые судьбой. В тягостном молчании смотрели на маленьких пациентов, выведенных на свежий воздух. Некоторые казались вполне здоровыми, их болезни были не видны глазу, у других же все симптомы были на лицо: заторможенные движения, сутулые маленькие спины, бледные лица.

Лана поняла, что лишняя в этом месте, ей вообще не стоило всего этого затевать. Здесь лишь мучения и страх.

– Мне пора, – обронила она, поднимаясь со скамейки.

Но Дора, словно очнувшись от своих мыслей, мёртвой хваткой вцепилась в её руку, оставляя на коже красные бороздки от ногтей. Голова со светлыми прядями затряслась из стороны сторону:

– Нет, не уходи, посиди ещё. Ко мне тут редко кто заглядывает. Ты же понимаешь, родных у меня больше нет... – она замолчала, но спустя пару секунд продолжила, от чего у Ланы мороз пошел по коже. – Знаешь, они мне так часто снятся – мои родители. И всегда в той одежде, что была на них в последний день их жизни. Мать в синем платье и отец... Они смотрят на меня и всегда молчат. Но я вижу их укоризненные взгляды. Они словно спрашивают меня: «Почему мы мертвы, а ты нет?» Если бы они были живы, всего этого не было бы. Ни сына, ни больницы, – она поморщилась. – Они бы не допустили.

– Ты скучаешь по ним? – спросила Лана, только лишь для того, чтобы что-то сказать.

Она понимала насколько глупо задавать такой вопрос человеку, который каждую неделю посещает могилы родных.

– У меня есть, чем заняться в этой жизни, кроме как лить слёзы по ушедшим. Их не вернёшь, а мой сын нуждается во мне.

Лана поняла, что другого шанса задать тот единственный вопрос, из-за которого она здесь, больше не будет. Ей было противно то, что она хотела воспользоваться этой надломленной, измождённой молодой женщиной, но где-то там, за стенами этого больничного городка, в неведении жил слепой парень, который до сих пор ждал пропавшую сестру и, который был не виновен в грехах своего отца.

– Дора, ты же помнишь Анну? – ступила она на хрупкий лёд.

– Как я могу забыть, – никаких эмоций в тихом голосе, лишь отрешённый взгляд. – Я не должна была связываться с ней. Наверное, самой большой моей ошибкой было знакомство с Анной Кан.

– О чём ты? – не поняла Лана. – Что такого сделала тебе Анна?

Её собеседница какое-то время сидела молча, но всё же спустя почти минуту, произнесла:

– Она... – Дора секунду помедлила, словно ища подходящие слова, – лишила меня Макса. У неё даже не хватило ума отойти в сторону, когда он выбрал меня! Постоянно вешалась ему на шею, преследовала его и днём и ночью.

Такую версию событий тех лет, Лана слышала впервые. Она явно отличалась от того, что происходило на её глазах почти семь лет назад. Хорошо помнила молодого человека, с которым

встречалась Анна, видела его пару раз, когда ежедневно приезжала вместе с собакой-поводырем для подготовки Марика.

Высокий, широкоплечий, капитан футбольной команды, любимчик преподавателей и тайный кумир многих студенток. Он был звездой! Но по какой-то известной лишь ему причине выбрал Анну: темноволосую, тихую девушку, едва достающую ему до плеча.

Хотя парня можно было понять, ему хватало женского внимания со стороны развязных, готовых на всё девиц. Он был для них лакомым куском. А Анна казалась пришельцем среди тех красоток.

И вот теперь Лана узнаёт, что совсем не милая, тихая Анна была избранницей Макса.

Ею была Дора!

– Но я думала, что Макс и Анна... – нахмутив брови, начала она, но так и не успела договорить, её спутница резко остановила её, взмахнув тонкой бледной рукой с зажатой между пальцами тлеющей сигаретой.

– Все так думали. Той осенью мне было не до отношений: учёба, родители, которые глаз с меня не сводили. И мы договорились, что пока не будем афишировать нашу связь. Встречались тайно. А с Анной он был лишь по одной причине, чтобы быть ко мне ближе, – на её глазах выступили слёзы. – И мне приходилось общаться с этой заучкой, только чтобы провести лишнюю минуту рядом с Максом.

«Какая девушка позволит своему парню такое?» – потрясённо думала Лана, переваривая то, что только что услышала и понимая, насколько сильно отличается, сказанное Дорой про свою пропавшую подругу, от того, что она тогда видела собственными глазами. До сих пор помнила и те взгляды, которыми обменивалась парочка, и те мимолётные прикосновения, которые не укрылись от неё. А значит, всё это видела и сама Дора.

Насколько нужно бояться расстроить своих родителей, чтобы терпеть такое?

Или возможно ей это нравилось? Быть наблюдателем.

А может, Макс работал на два фронта, и его устраивало то, что его желали две девушки сразу? Да к тому же лучшие подруги. Может это была, своего рода, игра?

– А зачем отец Анны вообще пришёл к вам?

– Он искал свою заблудшую овечку, – зло бросила Дора, лицо её при этих словах исказилось. – Неожиданно ворвался в дом и всё пошло не так...

Её руки затряслись, когда она попыталась достать ещё одну сигарету из пачки – третью. Было видно, что ей тяжело вспоминать тот кошмар.

– К кому конкретно он пришёл? – уточнила Лана. – К тебе, к лучшей подруге его дочери? Или может к Максиму? Ведь все вокруг считали, что он и Анна пара. Может он хотел поговорить с ним, выяснить, знает ли Макс, где его дочь?

Та лишь слабо пожала худыми плечами, отрешённо наблюдая за снующими туда-сюда фигурками людей.

Спустя какое-то время она всё же услышала ответ:

– Понятия не имею, зачем приходил. Как только он... – Дора запнулась и тяжело сглотнула, слова давались с трудом, – переступил порог дома, начался весь тот ужас. Он кричал, размахивал оружием. И я уже не в силах была разобрать, что этому человеку вообще было нужно. Но если он и хотел знать, где Анна, то выбрал не лучший способ. Ты не находишь?

Лана задумчиво кивнула, а Дора продолжила:

– Да к тому же я понятия не имела, куда подевалась его дочурка. Моё мнение, она просто сбежала. Укатила с каким-нибудь первым встречным подальше от своего папаша и слепого братца.

Лана непроизвольно напряглась, услышав, как зло эта молодая женщина говорит о невинном мальчике-инвалиде. Но выяснить хоть что-то, что могло бы помочь найти сестру этого мальчика, было важнее, чем затевать перепалку на глазах у всей больницы.

– А Макс, он мог знать, где Анна?

– Нет, не думаю, – ответила её собеседница, пожимая плечами, – но даже если он что-то и знал, мне не успел об этом рассказать. Этот человек лишил его такой возможности.

– А твои родители? Возможно, они были в курсе?

Дора вздрогнула, и, прищулив свои вмиг потемневшие голубые глаза, взглянула на Лану:

– А с чего ты вообще решила, что мои родители могли знать, куда подевалась Анна?

Лана поняла, что перешла черту дозволенного. Не стоило ей заходить так далеко в своих расспросах. Всё чего добилась, это подозрительного взгляда. Ещё один такой выпад и её попросят убраться.

– Просто предположение, – произнесла она примирительно, и сменила, вдруг ставшую опасной, тему. – Могу я заглянуть к твоему сыну как-нибудь? Что он любит, может игрушки или сладости?

Ещё секундой ранее замкнутое, напряжённое лицо Доры просветлело, губы растянулись в улыбке. Так могла улыбаться только любящая мать, беззаветно преданная своему ребёнку.

– Думаю, мягкой игрушки будет достаточно. Он любит плюшевых мишек, – глаза Доры сделались влажными, – как и его мама. Макс подарил мне такого, когда пришёл поздравить с днём рождения с тот самый день. Огромный медведь с белой плюшевой шерсткой, красным бантом и смешной заплаткой на ухе. Это было так мило! Последний подарок...

Слова Доры резко оборвались и Лана вдруг почувствовала, как тело, сидящей рядом женщины напряглось, а взгляд направленный вдаль, стал колючим.

– Вот чёрт! Мне пора, – обронила та, резко вскакивая со скамейки.

«Она словно увидела что-то или кого-то...» – подумала Лана и проследила за её взглядом, но так никого не увидела. Лишь забор из железных прутьев и редких прохожих за территорией больничного парка.

Дора уже отошла на несколько шагов, когда она слегка повысив голос, спросила:

– Как зовут твоего сына?

– Макс! В честь отца, – заявила та прежде, чем скрыться за дверью больницы.

Внутри Ланы бушевал ураган.

«Просто невысказано! – билась в голове мысль. – Так значит Макс отец этому бедному малышу?»

Прошло уже столько лет, а то, что произошло в тот осенний день без малого семь лет назад, до сих пор влияет на судьбы людей.

Равиль Кан не просто забрал жизнь у тех невинных шестерых человек, он лишил ребёнка отца. Заставил эту бедную, измученную женщину, в полном одиночестве переживать страх и боль за своё единственного дитя.

Выжившая

Именно таким этот день и должен был стать.

Особенным!

День, когда все мои желания готовы были стать чем-то большим для меня и окружающих. День, когда я, поднимаясь утром с кровати и сладко потягиваясь, думала лишь о том, чем он должен закончиться...

...с улыбкой слушала приглушённые голоса родителей в кухне: «Нельзя будить Дору в такое прекрасное утро, как это... Когда привезут заказанный торт? Где те хрустальные бокалы, что нам подарили в прошлом году?»

Пахло свежими булочками с маком, которые я так любила и какао, которое я ненавидела. С его пенкой от кипячёного молока и запахом детства... Каждый раз, когда мне было плохо, мама молча приносила мне в постель стакан, доверху наполненный бледно-коричневатой, тёплой жидкостью. Панацея от детских недугов маленькой Доры.

Но маме об этом ни слова!

Ведь я хорошая девочка, хоть уже и не ношу платьица и не заплетаю косички...

...Сегодня день моего рождения!

Девятнадцатый, если быть точной. Совсем взрослая, как говорит мой отец, но по его взгляду я вижу, что мой возраст приносит ему лишь огорчение. В глубине души мои родители надеются, что я никогда не повзрослею.

Но меня мало заботит то, что предки не хотят, чтобы их малыша становилась самостоятельной. Они боятся того дня, когда мне, наконец, представится возможность покинуть этот огромный дом..

Я отсчитываю минуты до этого знаменательного события, а они с ужасом проживают каждый день, каждую неделю. Я целенаправленно иду по выбранному пути...

...вечером, хотя скорее ночью, будет вечеринка. Соберётся небольшая компания, человек двенадцать моих друзей, в местном кафе-баре. Только избранные. И сегодня я главная приглашённая! Слово все горят желанием видеть мою персону, а не бесплатную выпивку, за счёт моего папочки. И я жду не дождусь, когда, наконец, смогу отделаться от ежегодных, домашних посиделок и отправиться развлекаться.

Но это лишь в планах на вечер. А до этого – элегантное платье с пышной юбкой чуть ниже колен, шикарный стол с закусками из ресторана, дорогое вино и горы подарков. Весь вечер мне предстоит слушать, какая я замечательная, какая взрослая и красивая в этом кремовом платье... И я буду улыбаться, и говорить «спасибо».

Всё по одному и тому же сценарию из года в год. Не менялись даже гости за столом... за небольшим исключением...

...вечер. Во главе стола мои родители. Мама в красивом голубом платье, обтягивающем по-девичьи стройную фигуру, с собранной вверх копной тёмно-русых волос. Домохозяйка, ни дня не проработавшая за все свои пятьдесят лет. Отец – практикующий врач в собственной семейной клинике. Его когда-то чёрные волосы на висках покрыла седина, сделав их блеклыми. На макушке проглядывалась плешь, которую он пытался скрыть, зачёсывая волосы набок...

А вот и тётка! Полноватая брюнетка, в облегающем брючном костюме алого цвета и бриллиантовыми серьгами в ушах. Её мужа уже давно нет за нашим столом – он умер. Но, несмотря на прошедшие годы одиночества, казалось, что она до сих пор по-настоящему скорбит по нему. Она пришла с двенадцатилетним сыном. Я почти не знаю его, у нас разные интересы. И разница в возрасте...

...Ещё одной женщиной за столом была старая знакомая моих родителей. В этот день я увидела её второй раз в жизни. Я даже имени её толком не помню. Она была чужой, в своём трикотажном, дешёвом платье в цветочек и затёртых туфлях на босу ногу, среди окружавшей её роскоши. Слово ошиблась адресом. Но эта была лишь видимость, она была приглашена...

..был ещё гость. Он впервые предстал перед грозными взорами моих родных. Они его изучали. Отец, слишком ревностно, мать, лишь вяло протянувшая руку для приветствия, тётка с любопытством и злорадной ухмылкой. Лишь женщина в трикотаже казалось, оставалась равнодушной ко всему происходящему в этой гостиной...

...Когда же все, наконец, заняли свои места за праздничным столом, меня начала бить дрожь. Возможно в предвкушении вечера. Возможно, это было осознание того, что я, наконец, готова освободиться от родительской опеки, стать самостоятельной. А может, это было предвкушение от чего-то иного?

Я позволила, родителям и гостям насытить свои желудки, и насладиться красным вином, прежде чем произнести:

– Начнём...

...Происходящее далее, я помню смутно. Словно моё тело больше не принадлежало мне, словно я парила где-то под потолком, отстранёно наблюдая за хаосом творившимся внизу. Словно я осталась совершенно одна...

...Этот день должен был стать особенным, но у убийцы моих родных были другие планы...

Глава 3

2 мая 2017 год

– Я могу уделить вам не более двадцати минут, – отрезала женщина, стремительно шагая по направлению к небольшому кафе, через дорогу от здания суда. – Скоро начнётся слушание и я должна быть в зале суда, а не вести пустые разговоры.

– У меня лишь несколько вопросов, – торопливо заверила её Лана.

Она почти бежала следом за высокой женщиной лет пятидесяти. Чёрный, деловой костюм с маленькой брошью на лацкане пиджака и короткая стрижка дополняли образ женщины, наделённой властью. Кольца на пальце не было, а значит и мужа. Детей, скорее всего тоже было. Всем своим видом, она словно хотела приобщить себя к жестокому миру мужчин, доминирующих на судебной-правовой территории.

На Лану женщина-адвокат взглянула лишь раз, когда та остановила её в холле огромного здания и напомнила, что они общались по телефону, не далее как вчера и, что та согласилась на короткую встречу, хоть и после долгих уговоров.

Встретиться договорились в обеденный перерыв. Женщина сразу предупредила, что намерена провести их с пользой для себя.

Кафе, в которое они зашли было небольшим и уютным. Небольшие столики со стульями цвета капучино, затемнённые окна в человеческий рост с живыми цветами в небольших горшках на широких подоконниках, высокий потолок с балочным перекрытием, тихая приглушённая музыка. Лане здесь определённо нравилось.

– Мне не до конца ясно, что вам от меня нужно? – раздражённо произнесла адвокат, занимая свободный столик у окна и нетерпеливым жестом, подзывая официанта.

Тот тут же поспешил к двум новым клиенткам.

Властный тон, с которым эта женщина обратилась к молодому работнику кафе, не оставлял сомнений: долго ждать она не намерена.

– Кофе, чёрный, без сахара. Вам? – бросила она быстрый взгляд на занявшую место напротив Лану.

– Нет, спасибо, – ответила она, но тут же пожалела о своём решении. Живот скрутило.

Опаздывая утром на работу, она так и не успела позавтракать сегодня. Утренний растворимый напиток на рабочем месте, лишь отдалённо напоминающий кофе, выпила почти залпом, заедая горечь единственным оставшимся пончиком. Это был ритуал: каждое утро работник питомника, чья была очередь в этот самый день, приносил коробку со свежими пончиками. За работой время пролетело незаметно и она, на минуту заскочив в офис и взглянув на часы, вдруг с ужасом поняла, что опаздывает на встречу.

И сейчас сидя в этом заведении, со стенами цвета горького шоколада, где, судя по запаху, делали восхитительную выпечку, желудок жалостливо запротестовал от злости на свою забывчивую хозяйку.

– Я вообще согласилась с вами встретиться по одной лишь причине. Интерес к этому громкому делу, прозвучавший в вашем голосе, когда вы мне позвонили вчера, меня насторожил, – продолжала женщина, доставая из сумки зеркальце и критичным взглядом глядя на своё отражение.

Звали её Хелен, фамилию Лана даже и не пыталась запомнить, знала, что не получится. Листок, с написанными под диктовку Марика данными, лежал у неё в сумке вместе с кучей таких же, ставших уже бесполезными, шпаргалок.

– Хотя то, что вы приходите племянницей моего клиента – полная чушь! Я ложь чую на расстоянии и помню подноготную каждого из моих подзащитных, даже если с момента прекращения дела прошёл не один год. Не было у Равиля никакой племянницы, это я помню достаточно хорошо, так что, милочка, не тратьте ни моё время – оно стоит слишком дорого, ни ваше. Вы меня поняли?

– Более чем.

– Так кто вы и что вам нужно? – с нажимом спросила женщина, подавшись чуть вперёд, и с подозрением уставившись на собеседницу.

«Эта женщина зарабатывает тем, что узнаёт и хранит чужие секреты...» – успокоила себя Лана.

Начала она свой рассказ со знакомства с Равилем Каном и его двумя детьми в августе 2010-го года. Она рассказала, как недавно вновь встретила сына человека, которого когда-то пришлось защищать Хелен и, что мальчик, ставший юношей, так и не смирился с тем, что все вокруг считают его сестру обычной беглянкой. Упомянула и про отравленную собаку и про то, что сама дрессировала то животное с трёхмесячного возраста.

– Да уж, с собакой вышла мутная история, – неожиданно для неё согласилась женщина. – Несмотря на то, что мой бывший подзащитный признан виновным, я остаюсь при своём мнении. Он конечно не ангел, и убил всех тех людей, но вот в то, что он расправился с бедным животным, я не верила ни тогда, не верю и сейчас.

– Почему? – спросила Лана, такой ответ её заинтересовал.

– Это вы мне скажите? – вскинула та свои тонкие, тщательно подведённые карандашом, брови. – Вы же были знакомы с семьёй Кан, занимались с собакой... Неужели отец, который с таким трудом достаёт для сына-инвалида необходимую ему помощь, так легко сможет уничтожить всё одним махом? Нет, я не думаю, что он это сделал. Это надо быть полным идиотом, чтобы сотворить такое, – заявила женщина усмехнулась. – И на магнитную бурю не спишешь...

– Вы верите, что собаку могли отравить, как утверждает Равиль Кан?

Та слегка поморщилась, прежде чем ответить:

– Боюсь я вам на этот вопрос не смогу ответить. Из всего того, что произошло в тот день, самым не существенным, по мнению полиции, было обнаружение дохлой псины в багажнике машины моего подзащитного. Решили, что он окончательно съехал с катушек, раз возит с собой такое... Но никому не было до этого дела, поэтому проверять животное на токсины никто не стал. Да и с чего бы? Виновный задержан, преступление раскрыто. Дело передали в суд. Равиль Кан в те дни молчал, он и словом не обмолвился о том, что животное было отравлено. Да и к произошедшему, это, казалось, не имело никакого отношения. Это уже потом, когда я основательно взялась за это дело, выплыла эта досадная история с пропавшей дочерью и собакой. И всё в один день...

– А он вам что-нибудь говорил о том, где может быть его дочь Анна?

– Нет, – отрицательно покачала головой адвокат. – Только, если о прошлом, когда она ещё была рядом. Ну, знаете, какие-то воспоминания из её детства. И то это были лишь крупички. Я тогда заметила, что он не слишком любит распространяться о своей семье.

– Странно всё это, – задумчиво обронила Лана, кое-чего так и не в силах понять. – Я на днях была у Доры Берг. Она тоже ничего не знает.

– Вы нашли её? – брови женщины снова поползли вверх, собирая лоб морщинками.

Лана кивнула и тут же пояснила:

– Это оказалось не так уж и трудно. Она всё время проводит в больнице, около кровати больного сына.

Женщина-адвокат изумлённо взглянула на свою собеседницу:

– Надо же! Значит, она с вами говорила? А вот мне с ней поговорить не удалось. Сразу после того, что произошло в доме её родителей, она всячески скрывала своё местопребывание.

Я в то время пыталась с ней связаться, хотела прояснить кое-какие моменты, но она наотрез отказалась со мной беседовать, причём сообщила мне об этом не лично, а через своего адвоката. С тех пор я больше о ней не слышала. Не считая её писательских успехов, конечно. Видимо, время повлияло на её решение... – задумчиво добавила женщина, – или то, что вы были с ней знакомы ранее.

– Возможно, – согласилась Лана.

– И что же вам нового рассказала эта особа?

– Для меня стало неожиданностью, что она описывает Анну несколько иначе, чем её помню я, – поделилась она своими сомнениями, – словно это совсем другой человек. Я уже не знаю, чему верить. То ли полагаться на свою память, то ли прислушаться и составить новое мнение о девушке, которая много лет назад исчезла так внезапно. Мне кажется, – нахмурившись, продолжала она, – что-то в рассказе Доры не вяжется. Эта её навязчивая идея, что отношения между Анной и тем парнем Максом, были лишь прикрытием. Но с другой стороны, ведь у неё есть сын от этого человека.

– Сын от того убитого парня? – адвокат была удивлена вновь открывшимся фактам.

– Да.

Женщина задумалась, барабанила пальцами по столешнице.

– Признаюсь, с этой девицей мне тоже многое не ясно, – недовольно проворчала она. – Я как-то на досуге прочла её творение. Мне, как адвокату, весьма любопытно то, что она в таких подробностях смогла описать убийство своих близких, будто и не пряталась вовсе в подвале, а всё время подглядывала из-за угла. Я, конечно, не исключаю того, что возможно наша доблестная полиция не чиста на руку и просто выдала ей все материалы дела... Но такая осведомлённость! Деньги в нашем мире, как известно, творят чудеса. Уж я бы эту малышку и её издательство припёрла к стенке, будь моя воля, – мечтательно закатила глаза женщина, улыбаясь своим мыслям. – Но мой подзащитный повёл себя не вполне здравомысляще, категорически запретив мне что-либо предпринимать.

– Его сын говорит, что он ни слова не сказал о том, что произошло в тот день.

– Нем, как рыба, – подтвердила женщина, делая глоток кофе из маленькой чашки, которую секундой ранее поставил перед ней официант. – Прямо до бешенства меня доводил своим молчанием. Что я только не предпринимала: и угрозы, и лесть, и шантаж. Не сработало! Когда я только начала вести это дело, Равиль Кан производил впечатление, абсолютно потерянного человека. Он словно сам не мог поверить в то, что натворил. Помощи от него не было никакой, словно из него всю жизнь высосали, лишили его чувства самосохранения. Из-за своего отношения к делу, этот человек был обречён с самого начала. Своим молчанием и нежеланием помочь мне, Кан с каждым днём закапывал себя всё глубже и глубже. И какого результата он в итоге добился? – вопрос был риторический.

Лана поняла, что женщина-адвокат до сих пор злиться на своего бывшего клиента.

– Полной изоляции! Свидания несколько раз в год, редкие прогулки на свежем воздухе, ни интернета, ни телефона. В общем, никакой связи с внешним миром.

Последние слова её утонули в смехе и громких голосах, вошедшей толпы студентов. Разбившись на группы, они заняли сразу несколько столиков в полупустом кафе. Женщина скривилась, понимая, что посидеть в тишине и спокойно поговорить уже не удастся. Лана слышала, как те за её спиной, перебивая друг друга, выкрикивают заказ официанту.

– Так, как же он объяснил своё появление в том доме?

– Да никак! – громко ответила женщина, бросив сердитый взгляд на соседние столики, от чего шумные посетители кафе немного притихли.

Продолжила разговор Хелен уже более спокойно:

– Он, как заведённый твердил, что искал свою дочь. Но вот, что удивительно. Я и так и эдак перечитывала книгу и не нашла в ней упоминаний того, как сама автор объясняет

появление в её доме убийцы. Она словно и не знала причины, по которой он вообще там появился. Да я больше скажу: она пишет о нём словно о совершенно незнакомом человеке, будто и не было той дружбы между его дочерью и этой Берг, словно они не были студентками в одном университете, в одной группе. Не были лучшими подругами, наконец! Она просто умолчала об их знакомстве, сделав из Равиля Кана безликого убийцу-психопата. Согласитесь это странно?

– Да, наверное.

– А теперь представьте, как восприняли это читатели? Они ещё больше возненавидели мужчину, что сотворил такое.

– Возможно, Дора и правда понятия не имела о его мотивах? – предположила Лана.

Хелен бросила на неё скептический взгляд.

– Девятнадцатилетняя девушка в кругу семьи принимает поздравления и вдруг неожиданно в дверях появляется человек с ружьём и начинает палить без разбора. Думаете, она не знала зачем он явился? Я уверена на сто процентов, мой бывший подзащитный отправился в тот дом лишь с одной целью. Найти дочь! И я не думаю, что он стал бы стрелять по безоружным людям, даже не поинтересовавшись перед этим, где она.

– Но в книге об этом ни слова, – задумчиво констатировала Лана, подводя итог сказанному женщиной-адвокатом и своим собственным мыслям.

Она только вчера осилила последние главы довольно объёмной книги и до сих пор находилась под впечатлением после прочитанного. В течение всего дня, занимаясь привычными делами в питомнике: кормя собак, вычищая вольеры, тренируя Ноя, она то и дело возвращалась мыслями к книге.

– Абсолютно ничего, – подтвердила адвокат. – Автор словно пытается убедить читателя, что поступок Кана никак не мотивирован. Можно было, конечно, невменяемость моего клиента списать на психические отклонения, но все процедуры, проведённые психиатрами, говорили лишь об одном. Вменяем! Значит, у него должен был быть мотив.

Адвокат сделала ударение на слове «должен».

– Посторонний мужик, – продолжала она, – вломившийся в чужой дом и расправившийся с целой семьёй, не решиться на такой поступок просто от нечего делать. Если он вменяем, конечно.

– А есть хоть какая-то вероятность предполагать, что он был не в себе в тот момент? – спросила Лана.

– Состояние аффекта из-за внезапного исчезновения дочери. На это я и ставила, когда защищала своего клиента, хоть он и не думал мне тогда помогать. В таком случае, возникает вопрос, что могло произойти в том доме? Я нисколько не верю в те «розовые сопли», каких в избытке в «Выжившей». Уж поверьте, я в этом разбираюсь. И ни за что не поверю, что в семье было всё так гладко, как нам пытается внушить Дора Берг.

«Возможно, она права», – задумалась Лана, бросая взгляд через стекло, на проходящих мимо прохожих.

То место, где они сидели, находилось в самом центре города. И чистота улицы за окном радовала газ. Ни какой грязи на тротуарах, пьяниц вечно дремлющих на скамейках, бездомных, что протягивают руку в надежде получить монету от редкого прохожего, переполненных мусорных бачков.

В одном из таких районов сейчас жила Лана. Жила уже несколько лет, мечтая, что когда-нибудь её зарплаты хватит на то, чтобы переехать на более спокойную улицу.

– Вы сказали, та часть в книге, где говорится об убийствах, – уточнила она, отводя взгляд от окна и возвращаясь к разговору, – соответствует действительности. Насколько она достоверна?

– Абсолютно. Когда четыре года назад поднялась шумиха из-за этого «шедевра», это было словно гром среди ясного неба. Толпы людей стояли в огромных очередях перед книжными магазинами, в надежде стать обладателями четырёмсот страничной исповеди спасшейся жертвы стрелка. Реклама велась ударными темпами: интернет, телевидение, газетные издания. Это было словно массовое помутнение. Но далеко не все знают истинную причину такого успеха. Дело в том, что за три недели до выхода книги кое-что произошло!

Женщина выдержала паузу прежде, чем продолжить и Лана вдруг подумала, что, как адвокат, в зале суда она, должно быть, хороша.

– С момента тех зверских убийств, прошло, по меньшей мере, два года. Довольно большой срок, чтобы мир забыл эту историю. Забыл, кто такая Дора Берг, забыл, что с ней произошло... Ведь за это время, с того кровавого сентябрьского вечера и до премьеры книги, произошла масса других значимых событий в стране и мире в целом. И новые громкие убийства, грабежи и насилие затмили то старое дело. Оно отошло даже не на второй план. На десятый! Но в то время книга уже готова предстать перед читателем и реклама ей не повредит. Вот тогда-то на сцене и появляется никому не известный автор со своей статьёй в интернете, с интригующим названием «Главная загадка столетия!» Слышали о такой?

Лана лишь отрицательно покачала головой.

– Вы, должно быть, не слишком подвержены влиянию прессы и телевидения? – усмехнулась Хелен, делая очередной глоток уже остывшего кофе.

– У меня вообще нет телевизора, – честно призналась Лана.

И это была правда. Она предпочитала чтение. А то, что не видела той статьи и не знала о книге, имело вполне простое объяснение. Она работала, как проклятая, пытаясь, стать лучшей в своей области. Приходила домой, с одним лишь желанием, поскорее добраться до кровати. Иногда даже стянуть с себя, пропахшие псиной, одежду она была не в силах. Настолько уставала.

– Это объясняет вашу неосведомлённость в этих вопросах, – понимающе кивнула женщина. – Так вот, статья была полностью посвящена тому делу. Не просто, размышления какого-нибудь писаки. Нет, там было всё. Представляете? Всё, что удалось узнать полиции, за время ведения расследования: полный перечень улик, свидетельские показания, фотографии мест, где были убиты все эти люди, их краткая биография, подробный план дома, – перечислила адвокат, загибая длинные пальцы с идеальным французским маникюром. – Но самое главное – это пошаговая детализация всех убийств, что произошли за тот короткий промежуток времени. В общем, всё что нужно.

– Думаете, произошла утечка? – склонила Лана голову чуть вправо.

– Понятное дело, что просто с потолка это не взяли. Сведения точно были получены от кого-то, кто имел доступ ко всей имеющейся на тот момент информации. Но, несмотря на то, что люди теперь могли ознакомиться с подробностями из материалов дела, и вроде бы уже нет смысла перечитывать исповедь единственной оставшейся в живых девчонки, книге и её автору это пошло на пользу.

– И как думаете, кто за этим стоит?

– Уверена, что издательство. Одно я могу сказать точно. Это было сделано намеренно, я имею в виду, появление этой статьи и никто не сможет убедить меня в обратном. Люди ознакомились с ней, посмотрели жуткие картинки и вроде бы пора забыть всё, как страшный сон. Но теперь они хотели знать больше, надеясь, что единственная, оставшаяся в живых, сможет раскрыть тайну. Рассказать миру, почему это произошло, что же там случилось на самом деле. И читали до последней страницы, надеялись, что получат ответ. Вы ведь уже прочли её?

– Да.

– И каково ваше мнение об этом шедевре? – с интересом спросила женщина-адвокат.

– Некоторые вопросы так и остались без ответов, – разочарованно призналась Лана.

– А я о чём! – воскликнула та, и теперь уже молодые люди за соседними столиками повернули головы в их сторону, но женщина-адвокат этого даже не заметила. – Это книга пустышка! Просто воспоминания напуганной девчонки. В них нет ничего загадочного.

Адвокат бросила взгляд на наручные часы. Отведённые на разговор двадцать минут почти истекли.

Лана задала последний вопрос:

– Эту статью я смогу отыскать?

– О, да! Вы её легко найдёте, она в открытом доступе. И обязательно сравните.

Хелен поднялась со своего места и, достав бумажник, небрежно бросила на стол пару банкнот. Уже собираясь отойти от столика, она вдруг добавила.

– Моё мнение, как адвоката, обо всей этой истории таково... Человек, который отбывает пожизненный срок за убийство шестерых человек, прекрасно знает, что произошло с его дочерью. Поэтому-то те люди и мертвы.

Как часто он наблюдал за ней, думая, что она не видит. Не замечает его, словно он был никем. Сколько дней провёл в тщетных надеждах и мечтах! Засыпал с мыслями о ней, просыпался... и снова, не переставая, предавался мечтам.

Где-то в глубине души он всегда знал, что надежды нет, но что-то словно наигрывало ему: «Подожди, скоро всё изменится...»

И в один прекрасный день, всё действительно изменилось!

Она сама пришла к нему. Сидела перед ним такая солнечная, неземная, чуть склонив голову набок. Мягко улыбалась, видя, как он краснеет и заикается.

Чёрт бы побрал его за это!

Стоило ей заговорить, как к нему тут же вернулись все его страхи. Но она словно не замечала, насколько он жалок, продолжала улыбаться, как умела только она. А потом заговорила. И он всё понял. Она пришла за помощью. С одной лишь просьбой.

Но выполнить её оказалось куда сложнее, чем он мог себе представить...

Глава 4

Декабрь 2009 год

За семь лет до этого

Она молча плакала. Стояла около окна, и слёзы медленно скатывались по её бледным щекам, образуя две ровные дорожки.

Она уже долго находилась в таком положении, просто стояла и наблюдала, как двумя этажами ниже маленькие фигурки людей, укутанные в тёплые одежды, сновали туда-сюда по занесённому снегом тротуару и клубы белого пара вырывались из их приоткрытых ртов.

Зима только ещё набирала обороты. Мороз крепчал с каждым новым днём. Дни становились короче, ночь вступала в свои права хозяйки. А люди всё торопливо шли, спеша по своим важным делам, не замечая, как из окна белоснежного здания за ними наблюдают. Они были слишком поглощены собой, в их головах роились тысячи мыслей, их не заботили посторонние проблемы, чужие беды, им это было безразлично. Каждый был за себя.

Смеркалось, а девушка всё продолжала неподвижно стоять, пока не стемнело настолько, что она смогла различить очертание своей фигуры на стекле, словно призрачное видение в белом.

Да так, собственно, она себя и чувствовала, как будто уже долгое время была мертва.

Призрак!

И поэтому окружавшие её люди не замечали её, они делали только то, что нужно было им, не заботясь о её желаниях, о её мечтах. Эгоистичный мир, погрязших в грехе.

Девушка приблизила опухшее от слёз лицо к холодному стеклу и, приоткрыв рот, сделала шумный выдох. Тут же прозрачная поверхность запотела. Она словно безвольная кукуля-марионетка, управляемая кем-то сверху, приподняла руку, коснулась пальцем идеально ровной поверхности и начертила сначала круг, затем поставила две точки и дугу чуть ниже. Грустный смайлик.

Слёзы давно высохли, оставляя место лишь головной боли, где-то в области лба, и стянутость кожи на щеках. У неё не осталось ничего. Никаких мыслей. Лишь пустота.

Она словно птица в клетке, словно зверь, запертый в этой комнате с железной кроватью и собственными мыслями. Её раздражала эта стерильность и аккуратно расставленная мебель: кровать, тумбочка – всё это доводило до бешенства. Куда не глянь, везде белые девственно-чистые поверхности: стены, мебель, полы, так и хотелось всё испортить, сделать хоть чуточку грязным.

Как она сама!

Но скоро она станет такой же, чистой, обновлённой.

Как только она подумала об этом, глаза снова наполнились предательскими слезами, снова запершило в горле. Захотелось что-нибудь сломать, как уже не в первый раз ломали её тело.

Она не знала, сколько прошло времени, когда услышала тихие голоса за дверью. Это были новые звуки, не те, что девушка слышала на протяжении нескольких долгих часов ожидания. Люди ходили, говорили по ту сторону её клетки, постоянно надрывался телефон и женщина в белом халате, которую она видела, когда её только привезли в это место и проводили до палаты, поднимая трубку, отвечала заученные фразы.

Но с каждой минутой, с каждым часом за дверью становилось всё тише. Голоса постепенно смолкали, двери больше не хлопали, телефон успокоился окончательно. Она словно

осталась одна во всём мире. А те немногочисленные прохожие за окном всего лишь ожившие картинки, служившие ей хоть каким-то развлечением.

Сколько ей ещё ждать неизбежного?

Может, будет лучше, если всё случится, как можно скорее?

Прямо сейчас откроется дверь и всё будет кончено.

Девушка знала, что так будет лучше. Знала, потому что бывала здесь не раз: в этом здании, на этом этаже, в этой палате. Точнее уже в третий раз она стояла у этого окна и вглядывалась вдаль. Только картинки за окном меняли свою палитру. Становясь то ярко зелёными, то бледно-жёлтыми... то, как сейчас белоснежно-голубыми.

Нет, она не хотела приближать этот миг. Она хотела ещё немного побыть не тем пустым сосудом. Хотела, чтобы в ней теплилась жизнь, чтобы она была той, кто поддерживает огонь в этом очаге. Хотела быть не просто оболочкой, которая ест, пьёт, ходит, несёт чушь...

Её обострившийся до предела слух уловил едва различимые шаги, и она вдруг с ужасом поняла, что момент настал. В глубине души ещё надеясь, что что-то поможет ей избежать того, что должно произойти дальше. Несчастный случай, кара свыше... Но понимала, что всё бесполезно. Надежда не сработала ни в первый раз, ни во второй. Все её попытки что-то изменить, были тщетными.

Она вздрогнула, когда услышала, как поворачивается ключ в замке. Вжала голову в плечи. Запаниковала. Её тонкие длинные пальцы с силой вцепились в холодный подоконник, в слабой надежде, что это поможет ей хоть на секунду потянуть время.

– Дорогая, нам пора, – услышала она мягкий мужской голос, словно тот говорил с ребёнком.

Но она не была ребёнком, она взрослая!

Она способна сама отвечать за происходящее с ней!

Она сильная, она выдержит!

Только, когда поняла, что эти слова произносит вслух, она замолчала. Всё было бесполезно. Мольбы, уговоры, запугивание... Ничего не действовало на тех людей, что окружали её сейчас. Они смотрели на неё и молча улыбались, словно она была умалишённая и без помощи ей не справиться.

Ей хотелось крикнуть, что их улыбки скорее похожи на оскал хищников, что загнали свою жертву в угол и теперь медленно шаг за шагом приближаются, пуская ядовитую слюну. Они и были хищниками, эти двое. Женщина и мужчина, словно две стороны одной монеты, две руки, принадлежащие одному телу. Они дополняли друг друга в своём стремлении наказать её.

А она была их жертвой – дрожащей, перепуганной, осознающей, что её час пробил и ничего не вернуть назад, не отсчитать минуты вспять, не пережить прошлые мгновения заново. Впереди только одиночество и пустота...

– Идём, ты же знаешь, что это будет не больно? – успокаивающе сказала женщина, смыкая свои сильные пальцы чуть выше локтя.

Мужчина стоял у двери, словно страж оберегающий выход. Но он боялся не того, что кто-то проникнет внутрь, он знал, что в это время суток здесь практически никого нет. Он опасался, что она вырвется наружу, сбежит.

Девушка позволила вывести себя в длинный, полутёмный коридор, словно кишка, протянувшийся на десятки метров вглубь здания. Она слышала, как раздался щелчок закрываемой позади них двери и тихие неторопливые мужские шаги, вторившие её собственным. Ей было некуда бежать.

Понимала, что просить бесполезно, но всё же прошептала:

– Пожалуйста, не надо! – её слова звучали умоляюще и за это она себя ненавидела. – Оставьте всё, как есть. Мне будет больно. Я не хочу...

Но женщина тут же одёрнула её, больно сжав руку и придвинув к ней своё лицо:

– Не губи себе жизнь! Какие твои годы. Ещё всё наладиться.

– Я не хочу, – снова выдавила из себя девушка, в отчаянии попытавшись выдернуть руку из цепких лап своего конвоира, одновременно тормозя о холодный пол голыми пятками.

Они ей даже не дали обуться.

Но та и не думала останавливаться, ещё крепче сжимая пальцы. Она словно не замечая слабых попыток своей жертвы вырваться, целенаправленно шагала в нужном направлении.

– Не нужно этого делать. Ты же не хочешь, чтобы повторилось то, что было в первый твой приход сюда?

Тот неожиданно сильный удар по лицу она помнила до сих пор. Кожа на щеке ещё долгое время горела огнём, а в ушах стоял звон.

И как только она поняла, что ей не справиться с этими двумя, её тело сразу обмякло. Она сдалась. Так они и шли, три фигуры: две женские и одна мужская в некотором удалении.

Когда женщина, наконец, открыла нужную дверь, девушка отшатнулась. Она ненавидела это место, этот запах, ненавидела тот момент, когда её выводили под руки, едва всё заканчивалось. Боялась того белоснежного монстра, с отражающими свет ярких ламп стальными деталями, что стоял в центре кабинета, и уже в третий раз был готов принять в свои цепкие объятия.

– Давай, дорогая, забирайся, – подтолкнула её женщина.

В её прикосновении не было ни капли сочувствие, лишь неприкрытое нетерпение. Она хотела поскорее всё закончить, сделать своё дело и выкинуть этот вечер из головы. Если думать о каждой такой несчастной девушке, входящей в этот кабинет и о каждой процедуре, то можно сойти с ума.

Женщина всё толкала и толкала её в спину, отступив на шаг лишь тогда, когда та, наконец, подчинилась. Девушка знала, что рано или поздно это всё равно произойдёт. Так к чему теперь тянуть время? Она всё равно лишится частички себя...

Краем глаза увидела мужчину, так и оставшегося стоять в дверях, словно он боялся переступить порог стерильной комнаты. Заметила его встревоженный взгляд. Все чувства, обуревавшие его в этот момент, были написаны на его лице, и девушка без труда прочла их. Его мучили угрызения совести из-за того, что он поступал с ней так, что он снова и снова причинял ей эту боль.

Она, наконец, забралась на кресло, высоко задрав ноги, так что её голые колени смотрели в потолок, освещённый люминесцентными лампами.

– Сейчас сделаем укол... – услышала она женский голос справа от себя и прикрыла веки, не хотела смотреть на то, как та колдует над инструментами на дребезжащей подставке.

Девушка практически не почувствовала боли от укола в руку. Тихо умирала изнутри. То чувство полёта, было ей хорошо знакомо. Веки стали тяжёлыми, тело воспарило в невесомости. Она едва слышала приглушённые, словно под толщей воды, голоса, но не понимала ни слова. Словно те люди говорили на другом языке.

Помнила, как те же руки позже помогли ей слезть с высокого кресла, свои босые ноги на кафельном полу кабинета, своё бормотание и чей-то смех. Что она говорила, так и не смогла вспомнить, а смех оказался её собственным.

Когда спустя несколько часов она открыла глаза, то первое, что увидела – это тёмный потолок с потушенными лампами. Лишь бледный свет луны пробивался в комнату, отбрасывая ровный прямоугольник на противоположную от окна стену.

«Сегодня полнолуние», – откуда-то из глубины сознание выплыла мысль.

И в тот же момент она всё вспомнила. Воспоминания, как бушующий ураган ворвался в её сознание, сметая всё на своём пути, уничтожая то хлипкое равновесие, что было в душе ещё секундой ранее, до момента, пока она окончательно не пришла в себя.

Девушка резко повернула к стене тяжёлую голову, тело её оставалось неподвижным. И спустя лишь мгновение горькие слёзы потекли по её щекам, падая беззвучными каплями на белоснежную простынь, оставляя тёмные мокрые пятна.

Всё кончено! Она снова свободна и снова совершенно одна. Её мир вновь рухнул. Как же долго это будет продолжаться? Сколько нужно времени, чтобы остальные поняли, что она человек, что она сама должна решать свою судьбу, а не посторонние люди?

Девушка так и лежала, не шевелясь, в тишине глотая солёные слёзы и пытаясь унять боль в душе. Где-то она слышала, что когда кастрируют жеребца, ему сначала разрывают нижнюю губу и боль от первой раны становится не такой невыносимой, словно разделяясь.

Она резко села на кровати и сразу же что-то внизу живота сжалось в тугий клубок, постепенно расцветая цветком боли. Та раздирала её изнутри, напоминая о том, что произошло. Девушка согнулась и застонала. С каждым новым разом боль становилась всё сильнее, волнами то накатывая, то на мгновение отступая. Тянущая, отдающая пульсацией где-то в копчике.

«Как с лошадью не получилось», – попыталась усмехнуться она, но лишь застонала.

Она медленно, с трудом переставляя ещё непослушные босые ноги, приблизилась к окну и, схватившись за выступающий широкий подоконник, взглянула на пустынную улицу внизу. На мелкие снежинки, в беспорядке кружившие в жёлтом свете фонарей, на покрытую, голубым в свете луны, покрывалом землю. За окном было так же темно и холодно, как и в её сердце.

Снова послышался звук приближающихся шагов. Кто-то потянул ручку... Никаких засовов, в этом уже нет нужды. Дверь беззвучно отворилась, впуская в комнату тусклый коридорный свет.

– Как ты? – участливо спросил мужчина, его осипший голос сорвался и прежде чем продолжить, он откашлялся. – Всё в порядке?

Она не поворачивая головы, всё ещё наблюдая за тем, что происходило за окном, зло усмехнулась:

– А как я, по-твоему, должна себя чувствовать? Что может быть в порядке?

– Ты сама виновата...

Девушка резко повернула к нему голову, пытаясь что-то рассмотреть, но свет падал на мужчину со спины, и лицо казалось ей тёмным пятном. Будто чужое лицо.

– Я виновата? – с негодованием переспросила она и, отойдя от окна, с трудом опустилась на кровать.

– Я тебя предупреждал, что не позволю тебе оставить его. Никогда! Ты не можешь... Поверь, так будет лучше. А теперь ты начнёшь всё заново, словно и не было всего этого.

– Я просто хотела, чтобы у меня было что-то своё, – прошептала она едва слышно, но мужчина расслышал сказанные ею слова.

– Тебе никогда ни в чём не отказывали. Тебя любили, о тебе заботились, любая твоя прихоть сразу исполнялась, стоило тебе только попросить. Что же тебе ещё нужно? – удивлённо воскликнул тот.

– Любили, заботились? Это место ты называешь заботой? Или то, что сейчас произошло, вы сделали из-за любви ко мне? Вы не думали ни обо мне, ни о моих чувствах. Ты думал только о себе.

Она говорила всё громче, пока не сорвалась на крик. Должно быть, со стороны она была похожа на ведьму: с растрёпанными волосами, в длинном белом балахоне, с глазами горящими ненавистью.

– Мои мысли больше не принадлежат мне, моё тело больше не принадлежит мне, вы всё забрали. Лишили последнего.

– Прекрати истерику, – категорично произнёс мужчина и только, тогда она увидела, что он держит в руке – сумку с её вещами, которая в тот же миг полетела к её ногам. – Оденься. Я жду тебя в машине.

Но она так просто не собиралась сдаваться. Она резко вскочила с кровати, и за пару шагов преодолев расстояние между ними, схватила его за руку.

Когда она заговорила, высоко задрав голову, глядя ему в глаза, в словах её была лишь ненависть:

– Как ты себя чувствуешь, папочка, лишив меня того единственного, что было важно для меня? Ведь это была твоя идея, не так ли? Всегда ты решал за меня! С самого моего детства. Ты никогда не давал мне выбора. И я подчинялась изо дня в день, из года в год, молча делала всё то, что ты мне говорил. Слушалась папочку! – её губы исказила кривая ухмылка. – Знай, когда-нибудь я освобожусь от твоей чрезмерной опеки и тогда ничто, слышишь, ничто не остановит меня. Ты больше никогда не увидишь свою дочурку. Я отберу у тебя самое ценное, что только могу. Смысл жизни. Себя!

– Ты не поступишь так со мной, – прошептал он и в голосе его уже не было прежней уверенности. – Ты же знаешь, что на свете нет ничего важнее тебя – моего дара божьего.

– Ты ошибаешься, если считаешь, что всё останется, как прежде, – безразлично пожала она плечами, отступая на шаг, будто всё уже решила для себя, а её родителю оставалось либо принять её выбор, либо катиться к чёрту.

– Если тебе наплевать на меня, подумай хотя бы о нашей семье.

Она перебила его, не дав ему договорить.

– Я всю жизнь, сколько себя помню, думаю обо всех кроме себя. Не хочу так больше. Хочу жить для себя! И если для этого нужно лишиться себя счастья, лицеизреть моих дорогих родственничков, я согласна. А теперь будь так добр, оставь меня одну, мне надо переодеться.

Девушка отвернулась и отошла от него и только, когда услышала звук закрывающейся двери, смогла расслабить напряжённые плечи.

«Боже, как же больно!» – осторожно, стараясь не делать резких движений, снова опустилась на край кровати и просидела так довольно долгое время.

Она думала...

Спустя двадцать минут она, наконец, спустилась вниз. Машина отца одиноко стояла на парковке. Электронные часы над входом в здание показывали 3:04. На её губах играла едва заметная улыбка, голова была ясной, мысли больше не путались, мозг работал чётко.

Она заняла пассажирское кресло и по-новому взглянула на человека, что воспитал её. И снова улыбнулась своим мыслям.

Она придумала план!

Он состоял из нескольких частей и все они были взаимосвязаны друг с другом. И начнёт она с мести. Сколько лет она, лёжа в своей кровати бессонными ночами, представляла, что её обидчики умирают страшной смертью. Придумывала невообразимые пытки, при помощи которых расправилась бы со всеми по очереди. Эти мысли грели ей душу, помогали заснуть в те ночи, когда становилось совсем тяжело и хотелось выть словно зверь.

Она столько лет терпела!

Молчала о том, что творится у неё в душе, какие муки разъедают её изо дня в день. И сегодняшний случай стал своего рода катализатором, запустивший механизм с обратным отсчётом.

Никогда и никому она больше не позволит управлять собой!

Ни один человек на этой земле, не сможет подчинить её своей воле. Она пойдёт к своей цели медленными, мелкими шажками. Но с каждым днём эта цель будет представать перед ней всё отчётливее. И плевать, сколько времени на это потребуется! Она готова ждать год, два, вечность, лишь бы воплотить свой замысел в жизнь, лишь бы просыпаться по утрам и знать, что таймер отсчитывает секунды в обратном порядке.

Машина медленно тронулась с места, двигаясь к выезду с парковки. Яркий свет фар осветил первый этаж здания. Темнота. Никого, кто бы, как она несколькими часами ранее, провожал их взглядом. Это здание было почти пустым.

Она знала, что её фантазии по большей части так и останутся нереализованными, но в глубине души хотела верить, что отчасти что-то сбудется. Это словно нарыв, который зрел у неё внутри годами и вот, наконец, прорвался, извергая из своего нутра всю ненависть, всю боль, всё отчаяние.

И теперь впереди только процесс реабилитации. Её зияющая рана потихоньку начнёт затягиваться, обрастая новой плотью. Она станет другой. Но цель останется прежней.

Вырваться из цепких оков своего отца...

Глава 5

4 мая 2017 год

Ей повсюду мерещились зловещие тени. На каждом этаже, пока она на ощупь продвигалась вперёд.

Кто-то выкрутил все лампочки в подъезде.

С сильно бьющим сердцем Лана, наконец, переступила порог квартиры. Прислонившись к двери, постояла с минуту с закрытыми глазами – она приходила в себя. И теперь было только одно желание – как можно скорее принять душ.

Сегодня выдался тяжёлый день. До обеда работа с молодняком в питомнике, потом выезд с собакой к Марику. Уже в третий раз. Ной постепенно привыкал к новому жилью и хозяину, но всё равно им обоим требовалась её помощь.

Дом Канов она покинула уже после девяти вечера и пока добиралась на метро до своей квартиры, а это двадцать минут непрерывной тряски в переполненном душном вагоне электрички, ею владело лишь одно желание – смыть с себя прикосновение толпы, её вонь.

Она никак не могла смириться с тем, что практически все в этом городе считали, что личное пространство – это привилегия. И Лана тёрла, и тёрла уже покрасневшую кожу, словно пыталась смыть не только грязь и въевшийся запах, но и сами ощущения.

Спустя пятнадцать минут, чистая, с обёрнутой полотенцем головой, она прошла на маленькую, освещаемую лишь светом из ванной комнаты, кухню.

Зауток два на два метра с огромным, но практически всегда пустым холодильником, парой шкафов и электрической плитой с одной не работающей конфоркой. Знала, что когда-нибудь придётся вызвать мастера, но всё оттягивала этот неизбежный момент. Она и с частично исправной газовой плитой проживёт, только бы не пускать на свою территорию посторонних.

Наспех соорудив пару бутербродов и, наполнив стакан апельсиновым соком, прошла в комнату, где с трудом умещалось всего одно кресло, журнальный столик у окна и двуспальная кровать.

Она никогда не перекусывала в кухне, и причина была банальна, у неё просто не было подходящего для этих целей стола. Да и зачем заставлять и без того маленькое пространство квартиры, если некому за ним сидеть? Ни друзей, ни родных, которые вот таким тихим вечером, как этот, забежали бы просто перекинуться парой фраз.

Типа: «Как дела, что нового?»

Ей никто не звонил на домашний. Для звонков у неё был мобильный. Аппарат все последние годы сиротливо стоял на столике в углу прихожей. Но каждый вечер, возвращаясь домой, Лана всё же невольно бросала мимолётный взгляд на потухшую кнопку автоответчика.

Лана задёрнула плотные шторы на окнах и только после этого включила свет в комнате, неизменно задаваясь вопросом: «Когда же этот монстр из её недавнего прошлого напомнит о себе?»

Этот страх поселился в ней полгода назад, но с каждым прожитым днём он понемногу отступал в тень, выпуская её из своих мрачных объятий. Как волна во время отлива, захлестнувшая с головой, медленно, но неизбежно высвобождает из водного плена.

И всё же страх оставляет след и непреодолимое чувство паники. До конца он не исчезнет, так и будет сидеть в самом дальнем тёмном уголке сознания, в ожидании своего часа. И лишь одно может освободить – смерть, и неважно чья: того человека, что делает её слабой и заставляет всё время испытывать страх или её смерть.

А то, что этот монстр вернётся, она не сомневалась.

Вопрос лишь был в том, когда это произойдёт?

Забравшись с босыми ногами на мягкое кресло, она взяла в руки планшет. Вбила в поиск ключевые слова: *Главная загадка столетия, 19 сентября 2010 года, массовое убийство*. Через какую-то долю секунды, был выдан результат. В верхнем углу цифра восемнадцать со знаком плюс, словно предупреждение: слишком восприимчивым людям и детям путь сюда строго воспрещён.

«Массовое убийство. Хладнокровный монстр!»

Этот день, 19 сентября 2010 года, для жильцов элитного частного сектора города, начался вполне обыденно.

Воскресное солнечное утро в семье Берг ознаменовалось подготовкой к празднованию дня рождения единственной и любимой дочери Доры. Ближе к вечеру начали съезжаться гости. И вот уже к семи часам в двухэтажном особняке семейства Берг собралось семь человек.

Но к этому мы вернёмся чуть позже, а сейчас хотелось бы обратить внимание наших читателей на планировку дома. Огромный холл с белоснежной мраморной лестницей, ведущей, словно в небеса. Гостиная и одновременно столовая – то место, где позже произойдёт первое убийство. Кухня, смежная с гостиной и разделённая двойными дверьми.

Остальные помещения первого этажа мы пропустим, так как в них не происходило ничего интересного для нас.

На втором этаже – пять спальных комнат: одну занимала девятнадцатилетняя Дора, комната справа принадлежала супругам Берг – Альфреду и Эмме, оставшиеся три пустовали, но всегда были готовы принять гостей.

Но более всего нас интересует подвал под всем этим великолепием!

Здесь не было ничего примечательного, всё, как и во многих других домах: стиральная машина, стеллажи с деревянными полками для консервированных продуктов, угол, отведённый под старые ненужные вещи, которыми уже давно не пользовались, но было жалко выбросить.

Именно там предстоит провести бедной девушке мучительные минуты ожидания, пока хладнокровный убийца будет методично расправляться с её близкими.

Когда позже полиция приехала на вызов, их взору предстала следующая картина. Все шесть жертв находились на первом этаже дома. Первое, что увидели полицейские, взломав входную дверь, это спину мужчины с поднятыми вверх руками, в одной из них он держал карабин.

Бездыханное тело хозяина дома было на лестнице. В него убийца выстрелил дважды. Первый выстрел был произведён с близкого расстояния, и практически лишил мужчину его детородных органов. Но при всём при этом он не умер, и убийца выстрелил снова, в сердце. Только после этого тот скончался.

Но это было лишь первым испытанием для органов правопорядка. В гостиной было обнаружено второе тело. Двадцати однолетний молодой человек, который являлся студентом того же университета, что и именинница. Он был застрелен так же в сердце. Как было установлено позже, смерть наступила мгновенно.

Третье тело, найденное неподалёку, принадлежало сорокалетней женщине, приходившейся младшей сестрой хозяину дома Альфреду Бергу. Её раны: два выстрела в живот, также были не совместимы с жизнью.

Четвёртая, и самая юная жертва – это её двенадцатилетний сын. Мальчика полиция нашла в дальнем углу гостиной, убит он был выстрелом в спину.

Пятой стала женщина, она умерла мгновенно от выстрела в голову.

И шестое тело полиция обнаружила на пороге кухни – хозяйка дома, убитая одним выстрелом в грудь».

Лана дочитала первую часть статьи, озаглавленную, как: «Описание места преступления» и перешла к следующему разделу. Здесь были десятки снимков с места преступления. Ниже – краткое пояснение к каждой жертве и способе убийства, с точным расположением тел погибших. Они шли в том порядке, в каком полиция находила тела по мере продвижения по дому.

Она увеличила первый снимок, с изображением отца Доры. Мужчина лежал в какой-то неестественной позе на нижних ступенях широкой лестнице. Его худое лицо было искажено, словно на момент последнего удара сердца, он не переставал кричать. Хотя судя по первому ранению в пах, возможно, так оно и было.

Одна рука была в крови, он, должно быть, пытался ею прикрыться, вторая, напротив, была чистой, и это сразу же бросалось в глаза, на фоне остальных кровавых деталей картины. Руки с длинными пальцами безвольно лежали на ступенях, ладонями вверх, длинные ноги мужчины были слегка согнуты в коленях. Чёрные редкие волосы в беспорядке прилипли к черепу, обтянутом пепельно-серой кожей. На узкой впалой груди расплылось, занявшее почти всю грудь, пятно крови.

В нескольких метрах от распростёртого тела, у подножия лестницы лежало оружие, из которого были произведены все восемь выстрелов.

Второй снимок был сделан прямо над телом Макса, молодого человека Доры и отца её малыша, как она сама сказала Лане в их прошлую встречу. Его остекленевшие глаза оставались широко открытыми, они смотрели в потолок, но эта иллюзия рассеялась, едва Лана перевела взгляд на его широкую грудь. Равиль Кан точным выстрелом попал ему в сердце. Парень лежал, поджав под себя одну ногу и вытянув другую, словно неудачно упал со стула, на котором ещё совсем недавно сидел. Его рука даже после смерти сжимала уголок скатерти, которую со всем содержимым стола он потащил за собой, пытаясь удержаться от падения. Вокруг валялись разбитые белоснежные тарелки с размазанными по ним остатками еды, свечи, осколки бокалов, полупустая бутылка красного вина.

«Всё точно так, как описала Дора в своей книге, – поразила её сходство. – Как будто я уже видела всё это раньше, в своём воображении...»

На третьем снимке было тело женщины. Она была запечатлена лицом в пол. Но видимо, какое-то время после выстрела, ещё оставалась жива – след крови тянулся на несколько метров. Она пыталась ползти. Даже с такого расстояния было видно, как от фотовспышки загорелась ледяным пламенем бриллиантовая серьга женщины.

Несомненно на снимке была тётка Доры, о которой та упоминала в своей книге. Женщина в костюме самого подходящего, для развернувшегося в том доме кошмара, цвета. Её пухлые пальцы, будто в предсмертной агонии, вонзились ногтями в пол и были растопырены.

Лана до предела увеличила изображение – все ногти, покрытые алым лаком, были обломаны до мяса.

Далее был снимок с телом того единственного ребёнка, что был на празднике. Немного полноватый мальчик, явно пошедший в мать, лежал на спине. Лицо его прикрывала белоснежная, тканевая салфетка, каких в избытке валялось на полу вокруг стола, руки были вытянуты вдоль тела. Словно кто-то уже подготовил этого двенадцатилетнего ребёнка для погребения.

Его положили в этот угол специально. На паркете едва заметные следы волочения. Сначала убили, затем перетащили и прикрыли лицо.

Почему убийца так поступил и почему только с ним?

Остальные жертвы на фотографиях находились в самых разных позах. Было не по себе разглядывать их застывшие тела, словно Лана вторгалась на запретную территорию. Словно убийца сдёрнул с них маски. Ещё мгновение назад они были уважаемыми членами общества, как вдруг смерть обнажила их, лишая достоинства и элегантности: раскинутые ноги, растопыренные пальцы, задранные подола платьев, искажённые в предсмертной агонии лица.

И только лицо мальчика убийца прикрыл, словно ему было жаль этот ребёнок, и он не хотел больше возвращаться к тому, что натворил, не хотел цепляться за это лицо взглядом.

Этот мальчик был единственным, кто удостоился хоть какого-то внимания со стороны чудовища.

А может, всё было куда проще, и этот убитый ребёнок напомнил убийце собственного сына?

«Он был примерно такого же возраста, что и Марик», – пришла в голову мысль.

Следующий снимок и пятая жертва. Женщина, которая так и осталась сидеть на своём месте. Её голова, с выходным пулевым отверстием и рваными краями на развороченном затылке, была опрокинута на стол. Руки с красивыми тонкими запястьями безвольными плетями повисли вдоль стройного тела, словно женщина, во что бы то ни стало, пыталась дотянуться до пола.

Лана вспомнила, как описывала эту гостью Дора – давняя знакомая её родителей. И больше ничего. В книге так мало было уделено внимания этой женщине, что узнать кто она такая и, что делала в этот вечер в кругу семьи Берг, не представлялось возможным. Она словно случайно забрела на этот праздник смерти.

Лана перевела взгляд дальше. Последней в списке убийцы была мать Доры. Она лежала на боку, в позе эмбриона, прижав ладони и колени к раскученной груди. Подол платья был задран, обнажая идеальной формы икры.

«Она следила за собой», – отстранёно отметила Лана, рассматривая изображение.

Одна нога – босая, туфля валялась рядом. Голубой шёлк дорогого платья сделался бурым от крови. Причёска Эммы Берг растрепалась, и каштановые локоны касались пола, скрывая посмертную маску своей обладательницы. Широкой змейкой за ней петлял уже засохший кровавый след, видимо, она тоже пыталась уползти, как сестра её мужа.

Далее снова шёл текст.

«Реконструкция событий.»

Как удалось установить позже, события того вечера развивались следующим образом. В районе девятнадцати часов и двадцати минут в дом проник мужчина. Как он открыл входную дверь и вошёл внутрь остаётся загадкой. В руках у него был самозарядный карабин.

Он, совершенно неожиданно для обитателей дома, появился в проёме гостиной, где находились все гости и члены семьи Берг, и, не объясняя причины своих неординарных поступков, сделал первый выстрел в направлении двадцати

однолетнего друга именинницы, который это время ничего не подозревая, сидел за столом. Молодой человек скончался за считанные секунды.

Вторая пуля убийцы настигла двенадцатилетнего мальчика, который предпринял попытку побега, но успел покинуть лишь гостиную. Об этом свидетельствует лужа крови на полу у входной двери и кровавый след, ведущий обратно в гостиную, к тому месту, где полицейские и обнаружили ребёнка.

Мальчик был застрелен в спину, после чего убийца перетащил его и прикрыл лицо салфеткой. Причину такого поступка можно объяснить, нежеланием убийцы смотреть на убитого ребёнка.

Далее последовало ещё два выстрела. Мать, убитого на её глазах сына, получила две пули в живот, но умерла не сразу, о чём говорит кровавая борозда, протянувшаяся от её тела в направлении холла. Женщина, судя по всему, пыталась ползти, но быстрая потеря крови лишила её сил. Она стала третьей жертвой.

Следующей своей мишенью убийца выбрал тоже женщину. Приглашённая гостя. Точный выстрел в голову оборвал её жизнь.

И вот среди этого хаоса, лишь трое выживших.

Три члена семьи, в доме ставшем могилой для уже четверых гостей.

Но с одной из жертв убийца разбирается довольно быстро. Хозяйка дома убита выстрелом в грудь с близкого расстояния, но это как ни странно не убило женщину сразу, и она ещё какое-то время продолжала цепляться за жизнь. Ей удалось отползти за угол, прежде чем жизнь покинула её тело.

И следующие два выстрела.

Они стали последними в череде этих бессмысленных убийств. Они сначала лишили хозяина дома одной из частей тела, а после оборвали и его жизнь.

Но всё же убийца не смог осуществить свой план до конца. От его взгляда ускользнула девушка, которая в этот день родилась, словно во второй раз. Ей удалось скрыться в подвале собственного дома и переждать, пока вызванная соседями полиция, не приехала на вызов, и не арестовала мужчину, расстрелявшего шесть ни в чём неповинных человек».

Далее Лана увидела изображение хорошо известного ей мужчины – любящего отца, который помешался после исчезновения дочери, раз пошёл на массовое убийство. Отметила, что снимок сделан уже после ареста: слишком коротко подстриженные волосы, пустой взгляд карих глаз, не выражающий никаких эмоций.

Всматриваясь в знакомое лицо, пыталась понять, как этот мужчина за такой короткий срок, мог превратиться из любящего родителя в кровожадного монстра.

Как он мог пойти на такое? Что его толкнуло на это? Может та женщина-адвокат права и в этом деле не всё так гладко, как кажется на первый взгляд?

Марик утверждает, что Дора могла что-то знать о пропаже Анны. Что, если обеспокоенный долгим отсутствием дочери Равиль пришёл за ответами, но получил лишь угрозы и оскорбления в свой адрес? Или просто молчаливое презрение этих богачей. Что, если он, не добившись желаемого, стал, один за другим, расправляться сначала с гостями дома, а после и с членами семьи?

И этот предпоследний, странный выстрел в отца Доры на лестнице. Почему он оставил напоследок Альфреда Берга?

Лана пролистала электронную страницу.

«Рассказ единственной спасшейся жертвы.

– Когда этот человек появился, я сидела за столом вместе со всеми. Я не видела, что кто-то зашёл в дом. Но вдруг раздался выстрел и Макс упал. А когда мой кузен побежал к выходу и убийца отвлёкся, я тихо проскользнула в кухню, а оттуда в подвал. Там я и просидела всё время, пока он... убивал моих родных. Слышала, как этот человек что-то кричал. Я пыталась зажать уши, но звуки выстрела всё равно были слышны. Их было восемь! Хотела

выбраться через подвальное окно на улицу, но оно не открывалось. Мне было очень страшно. Я так боялась, что он придёт за мной. Но потом я услышала сирены полицейских машин... и всё закончилось».

Автор статьи не поленился найти десятки детских фотографии Доры. На одних она была центральной фигурой, на других находилась в окружении родителей. Маленькая девочка на руках у ещё молодого отца. Она же в обнимку с матерью, стоит у плиты, в руках Эмма Берг держит противень со свежеспечёнными кексами. Вот Дора в ярком купальнике, на берегу моря, здесь ей лет двенадцать-тринадцать. Уже тогда она выглядела старше своего возраста. Широкая улыбка обнажает её ровные белые зубы, но Лана не могла отделаться от мысли, что радость девочки притворная.

Были и ещё снимки с места преступления, всего около десяти. Она долго разглядывала огромный холл с лестницей, на ступеньках которой уже не было тела, лишь следы крови. На следующем – гостиная со столом и праздничным ужином, разлетевшимся по полу. И тоже лишь лужи и кривые тёмные дорожки. На белоснежном кресле аккуратной пирамидой громоздились, не распакованные коробки с подарками.

Она пересчитала.

Четыре.

Две коробки в одинаковой обёртке, скорее всего, подарок родителей. Ещё одна, самая большая, был наверняка от тётки и её сына. А вот последний подарок – четвёртый, простой на вид, был, скорее всего, от женщины.

Неизвестный фотограф, подошёл к делу со всей ответственностью, пытаясь передать атмосферу дома и запечатлеть все детали. Роскошью и достатком веяло от всех комнат и только подвал был иной, напомнивший Лане о ещё более мрачном месте в доме своего детства.

Допив остатки сока, она поднялась с кресла, чтобы размять затёкшие ноги и отнести грязную посуду в мойку.

Всё это было странно. Её преследовало чувство какой-то неправильности. Словно всё это было спектаклем, постановкой с грустным финалом. Может дело было в фотографиях, которые так напоминали картинки из журналов?

Вернувшись обратно, она прочла кое-какие размышления автора по поводу действий, как убитых, так и убийцы. Вспомнила слова Доры о неизлечимой болезни сына и в мозг выстрелила страшная реальность: «А может лучше было бы этому мальчику не родиться?»

Тут же отогнала от себя эту эгоистичную мысль и ещё раз внимательно взглянула на узкое подвальное окно. Лана прищурилась. Ладони зачесались. Увеличение открыло страшную правду.

На момент убийств окно было заколочено изнутри!

Кто-то не поленился взять гвозди и молоток, и, забравшись на стремянку, стоявшую чуть в стороне, нашипиговать раму гвоздями. Об этом факте в статье не было ни слова, судя по всему, автор счёл это не существенным. Возможно, оно было и не важно, но её удивил тот факт, что в таком доме кому-то понадобилось так по-варварски обходиться с дорогой оконной рамой, на которой, как тут же смогла убедиться Лана, более внимательно изучив увеличенный снимок, была исправная щеколда.

На этом статья заканчивалась. Имя автора не говорило ей ровным счётом ничего. Но вот комментарии, приведённые ниже, заинтересовали. Их было более двухсот, она прочла их все.

В основном читатели восхваляли автора и полицию, которая сработала так профессионально. Кто-то рассуждал о пользе и вреде наличия в домах огнестрельного оружия, и несовершенстве законов. Были и ссылки на другой сайт, с рекомендацией обязательно прочесть книгу «Выжившая» и предложением приобрести этот шедевр по выгодной цене.

Но одно высказывание заставило напрячься:

«Эй, народ, кто-нибудь заметил татушку на руке убитого парня?»

Она лихорадочно прокрутила назад страницу и уже во второй раз принялась изучать один из первых снимков с места убийства. Увеличив изображение до предела Ланна, наконец, увидела то, на что указывал в комментариях неизвестный ей пользователь с ником *Аноним*.

Это едва различимое пятно она даже не заметила. На тыльной стороне широкой ладони Макса, между большим и указательным пальцем, было мелкими буквами, вытатуировано женское имя «*Тина*».

Имя ни о чём не говорило. Не вызывало у неё никаких ассоциаций, но это не означало, что среди знакомых, родственниц или сокурсниц убитого парня, не было какой-нибудь Тины.

«Может бывшая подружка?» – размышляла она, уже не удивляясь обилию подружек у убитого парня. Сначала Анна, затем Дора...

Но больше всего её терзал другой вопрос. Набрав из списка контактов в мобильном телефоне нужный номер, она замерла в ожидании ответа.

– Я слушаю, – деловой женский голос звучал приглушённо, словно говорившая зажимала трубку рукой.

На заднем плане были слышны громкие голоса и смех.

– Хелен, это Лана Берсон. Мы беседовали с вами пару дней назад...

– Ну и что же вам нужно на сей раз? Мы вроде бы всё обсудили? – недовольная столь поздним звонком, осведомилась та.

Лана бросила быстрый взгляд на один-единственный кадр, сделанный в тот день каким-то зевакой. Несмотря на то, что снимали с расстояния в несколько десятков метров, изображение было достаточно чётким, чтобы различить стройную женскую фигуру.

Единственную выжившую после стрельбы, сопровождали к патрульной машине двое мужчин в полицейской форме. Лица Доры Берг не было видно, его скрывала копна длинных, светлых волос.

– Скажите, что случилось с платьем Доры?

– Я не понимаю. В каком смысле, что случилось? – спросила женщина и через секунду голоса на заднем плане стихли, словно кто-то прикрыл дверь.

– В книге она пишет, что в тот день была в кремовом платье.

– Ну и..?

– Почему на снимках, сделанных позже, когда она выходит из дома, на ней уже платье другого цвет?

– И какого же?

– Абрикосового.

Наступила пауза.

Лана слышала, как женщина тихо дышит в трубку и представила, как в голове той происходят необходимые химические процессы для обработки полученной информации.

– Что за чушь? Какая вообще разница, какого цвета было платье, абрикосовое или кремовое? Вам не всё ли равно?

Но Лана была с ней не согласна. Это несоответствие прямо-таки бросалось в глаза, если ты хоть чуть-чуть был знаком с Дорой и её пропавшей в то время подружкой. За те две недели, проведённые в доме Канов, она кое-что успела узнать о подружках.

– Вы знаете на кого учились Анна и Дора? – поинтересовалась Лана и тут же продолжила, не дожидаясь ответа адвоката. – Дизайнер интерьера.

На том конце провода молчали и она продолжила:

– Тогда, семь лет назад, они часто спорили о сочетании цветов, обсуждая всевозможные оттенки. Однажды я невольно стала свидетелем их спора. Вы даже представить себе не можете насколько их много – оттенков! Поэтому я уверена, Дора Берг никак не могла ошибиться, в платье какого цвета она была в тот вечер.

Лана замолчала, ожидая, что женщина что-то скажет, но ответом ей была всё та же гнетущая тишина.

– Так что это? – снова задала она вопрос. – Ошибка редактора, который допустил опечатку в книге, или в тот день на Доре могло быть и другое платье? И, если это так, мне бы очень хотелось узнать, почему она поменяла наряд?

Выжившая

Я помню, как этот человек появился в нашем доме.

Он словно пришёл из ниоткуда. Хотя уже позже, вспоминая всё то, что произошло в тот день, начинаю осознавать, что это мой мозг сыграл со мной злую шутку, вытравив из памяти целые куски того злополучного вечера.

Спустя время, я могла с уверенностью сказать, что слышала приглушённые шаги по дорожке из декоративного камня, тихий щелчок замка, едва слышимый скрип открываемой двери. Всё это пришло много позже. Но тогда я ничего такого не замечала...

...Я сидела спиной к дверному проёму, ведущему в холл, но, тем не менее, увидела его достаточно отчётливо, в то мгновение, как он появился. Сначала в отражении глаз удивлённых гостей, которые ещё секундой ранее переговаривались между собой, смеялись отцовским шуткам, хотя он никогда не умел шутить, ели. Но в следующий момент они замерли, словно кто-то высосал из тел всю энергию. Застыли, так и не осознав до конца, что конец их близок и это лишь временная отсрочка...

...Увидела его в огромном зеркале, что висело как раз напротив, в отражении. Неясный силуэт, замерший за моей спиной. И казалось, что он пытается слиться со мной, спрятать свои жестокие помыслы...

...В его руке, поблёскивал металл оружия. Я видела полированные деревянные детали, плавно облегающие ствол. Сейчас оно было направленно в пол, но я почему-то не сомневалась, что в любую минуту всё может измениться...

...Всегда считала, что в моменты подобные этому, чувства обостряются до предела. Я смотрела в широко распахнутые глаза близких мне людей и чувствовала их страх. Зловонный, он словно поднимался из их нутра, заполняя собой всё пространство комнаты. Страх неизвестности, абсурдности ситуации, того что ты наконец осознаешь, что ты не хозяин положения. И решает всё кто-то другой с оружием в руках. Решает жить тебе или умереть. Я видела эти вопрошающие взгляды, направленные все до единого на одного человека в этой комнате.

В них застыл только один вопрос: «За что?»

Но тот молчал. Ему словно было плевать, на чувства этих людей. Он словно наслаждался сложившейся ситуацией. Все они – слабаки – по одну сторону, а он – их каратель по другую...

...Помню, что больше всего меня удивила тишина, воцарившаяся за праздничным столом. Никто не издал ни звука. И легко можно было представить, что всё как и прежде, что это просто секундная пауза перед новым витком ничего не значащего разговора. Но она растягивалась, постепенно складываясь в минуты.

Но вскоре шок прошёл, и я начала ощущать мерное дыхание огромного дома. Еле слышно доносилась классическая музыка из приоткрытой двери кабинета отца, он всегда предпочитал виниловые пластинки. Звенели наполненные бокалы, вилки плавно скользили по тарелкам. Казалось, сейчас все вскинут руки с наполненными до краёв бокалами, и прозвучит очередной тост за именинницу и все выпьют. Но эта была иллюзия, длившаяся лишь миг...

...А в следующее мгновение тишину разорвал оглушительный выстрел, застрявший у меня в ушах. Словно в замедленной съёмке я наблюдала, как первая жертва убийцы медленно оседает на пол, увлекая за собой белоснежную скатерть со всем содержимым стола.

Как из страшной раны хлещет тёмная кровь, заливая отполированный до блеска паркетный пол. Смотрела в такие знакомые глаза, которые постепенно стекленеют, теряя связь с этим миром. Я с ужасом наблюдала, как из распростёртого на полу тела постепенно уплывает жизнь, и предсмертная судорога пронзает его. А кровь всё текла и текла: густая, вязкая, перемешиваясь с вином из опрокинутой изумрудной бутылки...

...Затем раздался второй выстрел.

Убийца ликовал!

Он положил начало череде своих страшных деяний, которые произойдут в следующий час. Всего около шестидесяти минут понадобится ему, чтобы исполнить задуманное. На каждого по десять...

...Но в этот момент я не думала о будущем, не заглядывала так далеко вперёд. Я вспоминала прошлое. Я так ярко увидела тот солнечный день, когда впервые столкнулась с тем, кто в последующие годы, занял все мои мысли. Я словно на миг оказалась в том далёком прошлом. Я смотрела в самые невероятные глаза на свете и понимала, что уже ничего не будет, как прежде. Меня засасывало в пучину чувств, из которой не было выхода. И первое его: «Привет!» И моё невнятное, как мне казалось, бормотание в ответ. Он был особенным, не похожим на всех остальных. И он должен был принадлежать только мне! Но это было так давно... Сегодня, как и почти год назад, я не видела ничего вокруг, только его.

Бездыханное тело Макса на полу моей гостиной.

Глава 6

Июль 2010 год

Более шести лет назад.

Она залпом опрокинула рюмку с прозрачной жидкостью, и, взяв двумя пальцами кусочек лайма, почувствовала, как во рту выделяется слюна. Её зубы вгрызлись в мягкую плоть цитруса. Напиток был мерзкий на вкус, отдавал химией, но то тепло, что постепенно разливалось по её телу, ей нравилось.

Она вообще не была любительницей выпить, но для того, что она задумала, ясная голова и не требовалась. Даже после третьей текилы она чувствовала, что руки её слегка дрожат, а низ живота сводит судорогой от страха. Но она так давно к этому шла. Так давно проигрывала у себя в голове этот сценарий, что теперь, когда день настал, она не могла просто всё бросить и сбежать. Хотя так хотелось просто слезть с этого высокого неудобного стула у стойки бара и, выскочив за дверь, раствориться в ночной прохладе городских улиц.

Ей было страшно!

Как когда-то давно, когда ей не хватило сил воспротивиться, убежать.

«Трусиха!» – усмехнулась девушка про себя.

Единственное, что она понимала сейчас, сидя в этом людном прокуренном месте, это то, что если она всё не сделает сегодня ночью, она никогда уже не осмелится повторить этого. Только ради одной цели она преодолела такое расстояние, и лишь одна единственная мысль владела ею на протяжении последних лет.

Эта идея зрела в ней годами, словно плод на дереве, подпитываемый воспоминаниями. И вот в какой-то момент она почувствовала, что готова. Будто едва ощутимый толчок в спину невидимым собеседником.

«Давай, время пришло. Зачем тянуть?»

И она поняла, что у неё лишь одна возможность утолить свои фантазии.

Действовать!

И первую часть своего тщательно продуманного плана, она выполнила – добралась до места. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что привычки людей со временем не меняются.

Она просидела в этом баре уже порядка сорока минут, но тот, кого она так ждала, всё не появлялся. Она чувствовала на себе мужские, похотливые взгляды, но старалась не смотреть на их источники. Одёргивала слишком короткое платье, то и дело, бросая взгляд на огромные настенные часы над входом, и ругала себя за то, что думала лишь о желаниях одного мужчины и забыла об остальных. Все хотели только одного...

«Поскорей бы уже», – звучал голос в голове.

И словно в подтверждение её мольбам, дверь распахнулась, впуская внутрь того, о ком она думала уже много лет. Этот человек был в её мыслях, когда она засыпала и просыпалась, когда она ела, смотрела телевизор или просто гуляла. Он был с ней повсюду. Он словно поработил её, привязав к себе навечно. И сколько бы времени не прошло, она не могла заставить себя не думать о нём.

Не вспоминать!

«Он изменился», – отметила она, незаметно рассматривая мужчину, занявшего свободное место за стойкой, в нескольких метрах от неё.

Стал полнее – хотя и раньше его с трудом можно было назвать стройным – расплылся в талии, обзавёлся вторым подбородком. Его светлые реденькие волосы были всё так же аккуратно разделены на косой пробор, бледно-серые глаза скрывали тонкие стёкла очков.

Он заказал у бармена какой-то напиток и, не обращая внимания на окружающий его хаос из громкой музыки и потных тел за его спиной, выпил залпом, как и она несколькими минутами ранее.

«Должно быть, день выдался тяжёлым», – предположила девушка.

И только после этой первой рюмки взгляд мужчины начал медленно ощупывать толпу вокруг. Вот он остановился на трёх пьяных подружках за угловым столиком. В сумме их возраст давно перевалил за сотню. Они что-то громко обсуждали, и их смех звонко разносился по прокуренному помещению бара. Мужчина всё смотрел, словно взвешивая все «за» и «против», но тут взгляд его скользнул дальше.

В баре были ещё женщины, но и они не удостоивались более чем секундного осмотра. Он знал, что ему нужно. Знал свои предпочтения, у него был определённый типаж. И она не хуже него знала, что, как никто подходит на роль его спутницы. Хоть и на одну ночь.

Её мысли тут же нашли подтверждение, едва его хищный взгляд дошёл до той, что сидела в одиночестве за барной стойкой. И больше не отпуская, держал, словно на крючке. Осталось только подсечь, чтобы она глубже заглотила наживку.

Их разделяло всего несколько метров, но даже отсюда она чувствовала его запах.

Хотя может это была лишь иллюзия?

Его глаза слишком тщательно, как ей показалось, прошлись по её стройным ногам, обутом в босоножки на низком каблуке, дальше переместились к подолу платья, едва прикрывавшие бёдра и остановились на маленькой груди. На его лице она заметила едва уловимую улыбку. Та словно говорила – он остался доволен увиденным.

Ещё бы! Она так долго выбирала то, что, как ей казалось, удовлетворит его – причёска, платье, лёгкий макияж с горечью осознавая, что ничего за эти годы не изменилось. Он всё такой же похотливый самец, готовый на всё, лишь бы завладеть подходящей молоденькой самкой. А она в данный момент была самой подходящей.

«Кого он видит, глядя на меня? – спрашивала себя девушка. – Что творится в его голове? Какие мысли бродят там?»

Так они и сидели, каждый на своём месте, бросая друг на друга короткие взгляды.

Мелькнула предательская мысль: «Может ещё выпить, чтобы немного расслабиться?»

Но она тут же одёрнула себя. Для своей задумки её голова должна быть ясной. Она хотела запомнить каждый миг этой ночи, чтобы в будущем напоминать себе о том, ради чего всё это затеяла. Она слишком поздно сообразила, что произошло, когда горячая, влажная мужская рука грубо, по-хозяйски провела по её гладкому бедру, задирая подол платья и ещё больше оголяя её ноги.

Взгляд её наткнулся сначала на мутные от выпитого алкоголя глаза, следом отметил рыжеватую бороду и пьяную ухмылку на тонких губах. Она словно окаменела, не в силах не пошевелиться, не произнести ни слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.